

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра общего языкознания

Выпускная квалификационная работа

**КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА РУССКОЙ ОРНИТОНИМИКИ (НА
МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТНОЙ И ФОЛЬКЛОРНОЙ РЕЧИ УРАЛА И
ПЕРМСКОГО КРАЯ)**

Работу выполнила:
студентка 251 группы
направления подготовки
44.03.05 Педагогическое
образование, профиль
«Русский язык и литература»
Плахова Ксения
Александровна

(подпись)

«Допущена к защите в ГЭК»

Завкафедрой

(подпись)

« ____ » _____ 20__ г.

Руководитель:
доктор филологических наук,
профессор кафедры
общего языкознания
Подюков Иван Алексеевич

(подпись)

ПЕРМЬ
2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Орнитоним как лингвокультурологическая единица.....	7
Выводы по главе.....	27
Глава 2. Диалектная орнитонимическая лексика по данным говоров Урала и Пермского края.....	28
2.1 Тематическая группа «Птицы» по данным говоров Урала и Пермского края	28
2.2 Особенности наименований, включенных в тематическую группу «Птицы».....	33
Выводы по главе.....	44
Глава 3. Роль орнитонимов в обрядовой и фольклорной коммуникации.....	47
3.1 Орнитонимы в обрядовых текстах и текстах лирического фольклора Урала и Пермского края	47
3.2 Средства актуализации символических смыслов орнитонимов.....	55
3.3 Методическое применение результатов исследования.....	61
Выводы по главе.....	63
Заключение.....	64
Библиографический список.....	67
Приложение.....	72

ВВЕДЕНИЕ

Культура в языкознании выступает как информационная система, или система коммуникаций, а явления ее – как совокупность символов, знаков. Понимание языка культуры открывает человеку пути к ее хранению и трансляции.

Если обозначить культуру как знаковую систему символов, посредством которой происходит общение между людьми, в момент которого общее понимание символов (жестов, слов) снижает сложность передачи культурного наследия, то культурный код – средство преобразования, дешифровки значений в смысл, позволяющее проникнуть на более глубокий, смысловой уровень культуры, который открыт только для носителей кода. Одной из разновидностей таких культурных кодов является *орнитоморфный код*, иными словами – система символов, основанных на образах птиц. Символика птиц славян формировалась сначала в силу языческих представлений. Многие языческие боги имеют возможность превращаться в птицу: Перун – в орла или ворона, Волхв – в Финиста-Сокола. Данный период неразрывно связан с магическим мышлением, обрядами. С появлением христианства понимание роли птиц в устройстве мира черпалось из Библии [Берегова, 2008; с. 210].

Еще во времена Аристотеля птицы стали объектом научного интереса. Что же так привлекало людей? Может быть, яркость, певучесть пернатых? Или их способность к полетам, которая долгое время оставалась загадкой для человечества? В любом случае, класс птиц – один из самых изучаемых, в том числе и с лингвистической точки зрения.

Стоит отметить, что значение символа «птица» частично совпадает у разных народов, т.к. он совмещает в себе большое количество смыслов. Вл. Копалинский пишет: «Птица – символ Солнца, ветра, воздуха, тучи, грома с молнией, огня, Времени, божества, создателя, творца, божественного посла, бессмертия, духа, души; женской основы; приятности, чистоты,

воздушности, вдохновения, пророчества; свободы...» [Копалинский, 2002; с. 187].

Птицы в славянском фольклоре занимают отдельную, довольно внушительную по объемам нишу. Образом, синтезирующим все элементы мифологии, является мировое дерево. В этой функции в славянских фольклорных текстах обычно выступают Вырий, райское дерево, берёза, явор, дуб, сосна, рябина, яблоня. К трём основным частям мирового дерева приурочены разные животные: к ветвям и вершине – птицы (сокол, соловей, птицы мифологического характера), а также солнце и луна; к стволу – пчёлы, к корням – хтонические животные (змеи, бобры и т. п.). Всё дерево в целом может сопоставляться с человеком, особенно с женщиной. С помощью мирового дерева моделируется тройная вертикальная структура мира: три царства – небо, земля и преисподняя; четверичная горизонтальная структура (север, запад, юг, восток, ср. соответствующие четыре ветра); жизнь и смерть (зелёное, цветущее дерево и сухое дерево, дерево в календарных обрядах) и т. п. [Иванов, Топоров, 1980; с. 452].

В лингвистике группа названий птиц имеет определение *орнитонимы*. Несмотря на многочисленные исследования, не существует цельного и обобщенного монографического описания этой лексико-семантической группы. Многие вопросы так и не получили ответа, особенно те, которые касаются культуры народов Пермского края. Поэтому вопросы, касающиеся специфики орнитонимической лексики данного региона и символики орнитонимов, на наш взгляд, являются **актуальными**.

Объектом исследования являются орнитонимы и термины, называющие внутреннее и внешнее строение птиц, звуковые реакции, среду обитания, поведение и др., а также включающие их тексты лирического фольклора Урала и Пермского края.

Предмет исследования – семантические особенности орнитонимов, представляющих в народной речи и языке фольклора самостоятельную тематическую группу. Особое внимание обращается на формирование у

названий птиц характеристических, оценочных значений и условных художественно-символических смыслов. Попутно решаются задачи анализа способов диалектной номинации птиц, описания роли слов-орнитонимов в составе диалектных фразеологизмов.

Для проведения исследования нами был отобран **материал** – около 500 названий птиц и форм их жизнедеятельности и тексты лирического фольклора (преимущественно песни и частушки) в количестве 101 единицы. Источниками послужили диалектные словари говоров Прикамья, неизданные материалы из архива Центра этнолингвистики народов Прикамья, «Охотничий словарь Прикамья» и сборник «Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Материалы и исследования» под ред. И.А. Подюкова.

Целью данной работы является изучение основных диалектных способов номинации птиц, вычленение наиболее частотных орнитонимов в фольклорных текстах и рассмотрение механизмов актуализации их символических смыслов. Именно в выборе признака, положенного в основу названия, проявляется характерная для того или иного языка этническая культурная специфика.

Достижение данной цели возможно путем решения следующих **задач**:

- 1) работа со словарями пермских говоров;
- 2) выявление диалектных орнитонимов и понятий, связанных с жизнедеятельностью птиц;
- 3) классифицирование полученных данных;
- 4) работа с текстами лирического фольклора;
- 5) выделение часто употребляемых орнитонимов;
- 6) рассмотрение механизмов актуализации символических смыслов;
- 7) сопоставление полученных данных.

Методы, используемые в данном исследовании:

- 1) метод сплошной выборки (отбор материала из диалектных словарей, сборников фольклорных текстов и т.д.);

- 2) количественный метод (выявление частотности орнитонимов);
- 3) описательный метод (рассмотрение выявленных единиц, анализ их элементов и функционирования);
- 4) метод контекстуального анализа (учет контекста при анализе орнитонимов в фольклоре);
- 5) сравнительно-сопоставительный метод (характеристика природы образования диалектного орнитонима, заимствованных наименований птиц);
- 6) культурно-семиотический метод (рассмотрение орнитонима как значимого элемента культуры народов Урала и Пермского края).

Занимаясь данной работой, мы опирались на исследования следующих ученых: Александра Викторовича Гуры, Ольги Борисовны Симаковой, Леонида Юрьевича Гусева и Ивана Алексеевича Подюкова.

Исследование, с нашей точки зрения, позволит подробнее изучить диалектную тематическую группу «названия птиц», ее роль в текстах лирического фольклора, символику тех или иных орнитонимов, частотность их употребления. Оно открывает возможность для создания школьных факультативов, элективных курсов и уроков русского языка или литературы, посвященных анализу орнитонимов и их роли в лирических фольклорных текстах.

Работа была апробирована на научной студенческой конференции 2016 г., а также в рамках курса «Методы научного исследования в лингвистике».

Исследование включает в себя введение, три главы, заключение и список литературы.

ГЛАВА 1

Орнитоним как лингвокультурологическая единица

В данной главе рассмотрены этапы изучения русской орнитоники и аспекты, в которых она была рассмотрена лингвистами. С опорой на исследования отечественных ученых устанавливаются сущностные характеристики слова-орнитонима в структуре национального языка и русских диалектов, определяются семантические свойства названий птиц и возможности их условно-символического применения.

В лексической системе языка одним из заметных участков является орнитонимика. Термин *орнитоним* (от греч. *ornis* (*ornitos*) «птица», *onima* «имя, название») обычно определяют как номинативную единицу, представленную отдельным словом или сочетанием слов, которая служит для выделения, индивидуализации и идентификации именуемой птицы среди других птиц» [Симакова, 2004; с. 8]. Данную группу слов мы можем обнаружить в каждом из языков, и, как правило, она имеет весьма обширный спектр наименований. Стоит отметить, что большая часть данной лексико-семантической группы имеет широкую область функционирования. Орнитонимы используются в литературном языке, просторечии, диалектах, жаргонах и т.д. Описанное положение названий птиц в языке и речи людей можно объяснить существенной ролью пернатых в жизни людей, как с практической (экономической) точки зрения, так и с эстетической.

Орнитонимы активно начали рассматривать со второй половины XX века. Их совокупность впервые изучила О.Б. Симакова, опираясь на работы по отдельным вопросам орнитоники прошлых лет (Булаховский Л.А. «Общеславянские названия птиц» [Булаховский, 1948]; Гусев Л.Ю. «Орнитонимы в фольклорном тексте» [Гусев, 1996]; Неронова Н.Б. «Наименования птиц в русском языке: семантико-грамматический аспект» [Неронова, 2000]). Довольно много работ создано по отдельным орнитонимам, например, книга Сумцова Н.Ф. «Ворон в народной

словесности» [Сумцов, 1890], где автор говорит о том, что в значительном ряде текстов упоминание ворона обусловлено его зоологическими свойствами – окраской, криками, хищностью, воровством; а затем анализирует тексты, где отражаются указанные особенности ворона, упоминая о том, что, как правило, образ этой птицы в сказках, сказаниях и пр. имеет отрицательную коннотацию. В работе Тульцевой Л.А. «Символика воробья в обрядах и обрядовом фольклоре» [Тульцева, 1982] отмечается, что он наделен брачной символикой, а также автор называет воробья символом проворства и ловкости, но имеющим мотив воровства. Также исследователем рассматриваются легенды, где образ воробья является ключевым. Например, там упоминается легенда о том, что он выдал Христа преследователям – язвительно чирикал, призывая и дальше мучить его, приносил гвозди для распятия. За это Господь покарал птицу, проклял ее, сделал маленькой, а на ее лапках создал незримые оковы, из-за которых воробей не ходит, а скачет.

Существует большое количество работ о национально-культурной специфике фразеологических единиц с ключевым словом-орнитонимом в русском языке – Е.Р. Малафеевой [Малафеева, 1989], Е.В. Лысовой [Лысова, 2002], М.М. Вознесенской [Вознесенская, 2012]. Изучением данной проблемы в русском, английском и французском языках занимались такие лингвисты, как А.С. Савенко [Савенко, 2010], Е.М. Маклакова [Маклакова, 2011]. Рассмотрению орнитонимов в лексикографическом аспекте посвящены работы Н.А. Курашкиной [Курашкина, 2014; 2015].

Несомненно, лингвистов интересовал вопрос природы номинации птиц. Данному вопросу посвящены работы Гинатуллина М.М. «К исследованию мотивации лексических единиц (на материале наименований птиц)» [Гинатуллин, 1972], Голева Н.Д. «Естественная» номинация объектов природы собственными и нарицательными именами» [Голев; электронный ресурс], Моисеевой Л.Ф. «Названия птиц в русском языке» [Моисеева, 1974], Адиловой Н.Д. «Принципы мотивологического исследования и его аспекты (на материале наименований птиц)» [Адилова, 1996], Нероновой Н.Б.

«Наименования птиц в русском языке: семантико-грамматический аспект» [Неронова, 2000] и т.д. Последнее исследование посвящено анализу всего корпуса русских наименований птиц, принципам организации внутри рассматриваемой подсистемы. Автор отмечает, что наименования птиц могут быть представлены как часть семантического поля, которое имеет центр и периферию. Оно относительно замкнутое и может пополняться за счет появления родовых пар «самец-самка» или иноязычных наименований. Также в работе освещен набор мотивировочных признаков, по мнению автора, положенных в основу русских наименований птиц. К ним относятся: звукоподражание, впечатление от крика птицы, цвет оперения или его части, схожесть с другими предметами и т.д.

Многочисленны исследования орнитонимов в историко-лексическом и этимологических аспектах: работы Грот Я.К. «Филологические разыскания» [Грот, 1899]; Сетарова Д.С. «Именование животных: принципы и типы мотивации в славянских и тюркских языках» [Сетаров, 1992]; Добродомова И.Г. «Дрофа – дудак. Этимологические заметки» [Добродомов, 1968]. В последней работе автор сравнивает указанные в названии орнитонимы, говорит о том, что первый из них – общелитературное слово, второе – диалектизм, и, основываясь на словарях, особенностях языков и говоров, доказывает читателю, что дрофа и дудак, на самом деле, слова родственные.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что изучение названий птиц ведется в совершенно разных направлениях – диахроническом, синхронном, с точки зрения системных связей орнитонимической части словаря, как исследование их прямых, так и переносных и условно-символических значений.

Орнитонимы имеют повышенную культурную значимость, которая проявляется в коннотациях и оценках, бытующих в той или иной этнической лингвокультуре. В них получает свое отражение национальная культура, по ним можно судить об особенностях мировосприятия носителей языка, которые выражаются в особых ассоциациях и стереотипных представлениях

носителей языка о той или иной птице. Так, ворон в русском фольклорном сознании связан с темой смерти, и одновременно в сказочном фольклоре выступает как надёжный помощник и даже спаситель. Отмеченный аспект имеет для нашего исследования особое значение, поскольку основная цель работы — выявление лингвокультурологического потенциала этой языковой единицы. Чтобы показать культурно-языковое своеобразие этой части лексики русского языка, мы обращаем особое внимание на использование орнитонимов в языке фольклора и в народных говорах. Именно в фольклорных текстах и народной речи с большей очевидностью проявляются этнические стереотипы восприятия птиц.

Несмотря на широкое употребление традиционных русских названий птиц, смысловое значение многих из них, а тем более их происхождение, полузабыты или полностью утрачены. Ряд названий сильно изменен влиянием просторечья, диалектов и огласовок. Такие измененные названия, потеряв свой подлинный смысл, существуют сегодня только как коды, сочетание букв, условно обозначающие тот или иной вид птиц. Не только биологи, но и другие специалисты учитывают эти названия, ассоциируя их чаще всего только с внешним обликом птицы. Однако возникшие в языке в глубокой древности названия птиц (и других элементов живой природы), являются важным элементом культуры народа и несут в себе информацию о характерных особенностях каждого вида. Эта информация сохраняется в сознании людей на протяжении длительного времени и способствует образованию необходимых ассоциативных связей между названием и типичными чертами биологии животных [Лебедев, Константинов, 1999; с. 81].

Этимологические исследования орнитонимов показывают, что чаще всего названия птиц основываются на звуковом, зрительном и осязательном образах (см. работу В.И.Алатырева). Е.В. Лысова добавляет к вышеуказанным еще звуковые аспекты и географические особенности. Исследователь говорит о том, что названия птиц можно разделить на две

группы: по собственному и относительному признаку. Эти группы, в свою очередь, делятся на несколько подгрупп.

Номинация по собственному признаку:

1) внешний вид: общий внешний вид (*щеголь* - птица семейства вьюрковых отличается стройным тельцем, в красочном наряде птицы преобладают коричневый, ярко-красный, желто-лимонный и черный цвета, по М. Фасмеру, из первонач. «одиночка, холостяк», с польск. *szczegół* «подробность, особенность», *szczególny* «особенный, единственный» [Фасмер, т.4, 1987; с. 498]; *пухляк* – название дано по пушистому шарфику на груди). Кроме того, в основе названия может быть указание на размер птицы (*чайка большая*), цвет оперения (*ворона серая, белянка*), на примечательную часть тела (*вострохвост / шилохвост* – разновидность утки, которая имеет в хвосте четыре длинных пера; *буроголовка*) или необычную черту внешнего вида (*хохлан, лысуха* – в основании клюва имеет небольшой кожистый нарост, не покрытый перьями);

2) поведение птицы, ее образ жизни: характерное движение (*вьюрок, камнешарка* – как правило, в поисках пищи клювом переворачивает камни); способ добывания пищи (*мышелов, рыбачка*);

3) звуковой признак (*дрозд певчий, верещага*)

Номинация по относительному признаку:

1) место проживания птицы (*клест-сосновик*)

2) употребляемая пища (*ястреб-тетеревятник*)

3) связь со временем (*зимняя утка, чижик-настовик*) [Лысова, с. 6-7]

По словам Ф. Соссюра, все, что есть в слове, детерминировано окружением синтагматических связей и ассоциаций. Значение орнитонимов может быть прямым и переносным. Идентифицировать их можно, учитывая характер слова: эпитет передает наиболее существенный признак в характеристике денотата, глагол характеризует предмет по присущим ему действиям, существительное-приложение через указание на предмет

выражает совокупность качеств данного предмета, названного определяемым словом [Гусев, 1996]. Такие кодифицированные переносные значения, представленные в различных словарях, является особенностью лингвистической культуры многих народов. Стремление разнообразить речь порождает огромное количество синонимов.

Названия птиц в лингвистике составляют лексико-семантическую группу (ЛСГ), имеющую название «Орнитонимы» или «Названия птиц». Н.Ю. Костина вывела дефиницию для данного понятия: «ЛСГ «Названия птиц» – это часть лексического поля «Животные», представляющая совокупность номинативных единиц, объединенных категориально-лексической семьей *птица* и связанных между собой родо-видовыми, парадигматическими и словообразовательными отношениями» [Костина, 2004; с. 4]. Формирование этой группы слов нельзя считать завершившимся, т.к. она пополняется названиями новых видов. Исследователь выводит *способы словообразования*, при помощи которых образуется большинство названий птиц:

1) лексико-семантический, когда образование нового слова происходит в результате изменения значения уже существующего: *бородач, бургомистр* и т.д.;

2) суффиксальный. Наиболее продуктивными при образовании названий птиц в русском языке являются суффиксы:

- -к- (с помощью этого суффикса орнитонимы образуются от основ существительных (*каравайка, султанка* и т.д.) и прилагательных (*камышовка, кедровка, коноплянка* и т.д.));
- -ак'/-ак'/-ач (участвующие в образовании названий птиц от прилагательных (*большак, зимняк*) и существительных (*головач, клювач*));
- -окр'/-ок (суффиксы образования орнитонимов от существительных (*барсучок, волчок, воронок*), прилагательных (*рябок*) и глаголов (*нырок*));

- -нк/-чик (названия птиц, включающие эти суффиксы, образованы, как правило, от основ прилагательных (*бородастик, головастик, ветреник*));
- -иц/-(н)ичк (при их помощи образование названий птиц идет от существительных (*весничка, зарничка*) или прилагательных (*древесница, камышница, кустарница, цветочница*));
- -уш(к) (орнитонимы могут образовываться от прилагательных (*береговушка, зеленушка, каменушка*) или глаголов (*бормотушка, говорушка, завирушка*));

3) префиксальный. Префикс может иметь решающее значение в разграничении видов: *подорлик* - название вида семейства ястребиных, рода орлов, представители которого отличаются меньшими по сравнению с другими (беркут, могильник, степной орел) размерами;

4) сложение. Чистым сложением образуются, в частности, орнитонимы *ложнокрапивник, ложнонектарница, ложносойка*. В их состав входит основа «ложно», показывающая наличие частичного сходства с видами, названиями которых являются вторые основы (крапивник, нектарница, сойка).

5) сложение с суффиксацией. Встречаются орнитонимы двух видов:

- с ненулевым суффиксом (*белобровик, веерохвостка, желтобрюшка*);
- с нулевым суффиксом, среди которых выделяются основы с:
 - ✓ глагольным компонентом (*водорез, древолаз, камнелаз*);
 - ✓ именным компонентом (*бархатноголов, дубонос, иглохвост*)

[Костина, 2004; с. 11-12].

В данном исследовании мы рассматриваем тематическую группу «орнитонимы», отходя от понятия «лексико-семантическая группа». Такой подход связан с включением в исследование не только названий птиц, но и характерных для них действий и признаков. Так мы можем охватить более широкий спектр понятий, связанных с птицами и их жизнедеятельностью, проанализировать не только особенности номинации видов птиц, но и

действий, совершаемые птицами, звуков, издаваемых ими, и пр. В народной речи это значительная по объему часть диалектного словаря.

Тематическая группа, экстралингвистическая по своей сути, может иметь ряд тематических подгрупп, или микрогрупп. Описание орнитонимов, как и исследование наименований животных, растений, требует от исследователя глубоких знаний не только в сфере собственно языковых законов и закономерностей, но и познания многообразных особенностей самих денотатов. Исследование терминов, в том числе и орнитонимов, невозможно без рассмотрения их места в той или иной области знаний. Поэтому классификация и анализ лексики, могущей восприниматься носителями языка, с одной стороны, как общеупотребительной и общепонятной, а с другой – как узкоспециальной, профессиональной, научной, не может опираться на какое-то чисто бытовое понимание различий в денотатах [Амелина, 2012; с. 7].

Н.Д. Голев в статье «Функция мотивизации и народная этимология» рассматривает, чем мотивированы те или иные диалектные названия птиц, разделяя их на три группы:

1) Слова с полной схемой мотивизации:

- Заимствования (н-р, *валешник* – вальдшнеп. Исходное название заимствовано из немецкого, валешник – соотнесено со словами валежник и ольха, т.к. птица гнездится в лесах, обычно смешанных и широколиственных, с кустарниковым подседом);
- Звукоподражательные названия (н-р, *синица* – название основано не на цвете оперения, а на звуках, которые птица воспроизводит; *веретенник* – «когда кулик летит, его крик похож на слова веретен»);
- Другие слова (н-р, *желанчик* – снегирь. Н.Д. Голев полагает, что такую этимологизацию подсказали нрав птицы и ее красивое оперение; *куроптаха* / *куропташка* – куропатка. Данное название основано на сходстве данной птицы с курицей);

2) Слова с отсутствующей семантической мотивированностью (н-р, *тюльпан* – скопа. Здесь возможная ассоциация с «турпан»; *стриг* / *стригунок* – стриж. Название по голосу: «постоянно издает резкое и пронзительное стри-и»);

3) Слова с отсутствующей структурной мотивированностью (н-р, *кроншлеп* – кроншнеп. Называется кроншлепом в некоторых говорах, потому что будучи подстрелен, как бы шлепается; *пустельга* – заимствовано из тюркского. Исследователь приводит такой пример этимологизации: «Пустельга от слова «пустой», вероятно потому, что птица непригодна для соколиной охоты» [Голев; электронный ресурс] .

Также Н.Д. Голев рассматривает междиалектные различия в номинации птиц. Ученый говорит о том, что возникновение всякого названия можно рассматривать в двух аспектах: гносеологическом и коммуникативном. Формирование плана содержания нового названия зависит в большей мере от гносеологических факторов, т.е. от характера членения видового континуума, а создание новой формы выражения – от коммуникативного фактора, так как появлению того, а не иного названия в языке предшествуют речевые способы обозначения, которые и подготавливают звуковую форму будущего названия. Как правило, виды, обозначаемые в диалектах одним названием, близки или сходны друг с другом и каким-то образом ассоциируются в сознании диалектоносителей. В этом плане представляет интерес выделение особых «*номинативно-видовых полей*», объединяющих такие виды, которые в диалектах часто имеют общие классифицирующие наименования или родовые компоненты составных названий. На данном основании объединяются, например, в одну группу сова, неясыть, сыч, филин. «Номинативные поля» не обязательно совпадают с биологической классификацией по родам, семействам и отрядам. Скажем, птицы отряда воробьиных, в который биологи включают большое число многообразных видов от вороны до королька, вряд ли когда-либо реально объединяются в обыденном сознании, но, с другой стороны, оказываются

ассоциированными относимые к разным отрядам такие виды, как ласточка береговая, тиркушка, стриж черный.

Процесс выделения и выражения отличительных признаков в гораздо большей степени способствует образованию междиалектных различий, чем процесс приведения к роду. Это связано с тем, что последний ограничен определенным числом уже существующих корневых понятий и их наименований, которые к тому же, относясь в большинстве случаев к общенародной лексике, совпадают во многих диалектах.

Все многообразие отличительных признаков предмета (вида) представляется в его названии одним, иногда двумя, признаками. Выделение этого признака, называемого *мотивировочным*, составляет первый процесс мотивировки – аспектацию. Второй этап заключается в выражении мотивировочного признака языковыми средствами. Как тот, так и другой этап дает определенную свободу называемому, субъектно далеко не безграничную, так как название не появляется вдруг по прихоти одного индивидуума: оно подготавливается и "подсказывается" всем ходом формирования понятия и его многократного выражения речевыми средствами в данном языковом коллективе. Выбор того или иного мотивировочного признака, по мнению исследователя, зависит от самого называемого субъекта, рода его занятий, уровня знаний, от свойств самого вида, предмета (есть ли наличию яркие признаки), от отношений между предметами (мотивировочный признак должен возможность отличать данный вид от ему подобных) и от отношений субъекта и предмета. Таким образом, становится понятно, почему в разных диалектах варьируются названия одних видов, которые отражают различные его признаки (н-р, кроншнеп – *большой кулик, кривоносый кулик, польский кулик, болотный зуй, степной кулик, горный кулик*).

Примечательно, что один и тот же мотивировочный признак может иметь разные способы выражения. Н.Д. Голев приводит следующие примеры: *шилохвость* (метафорический способ) и *острохвост* (прямой

способ), *хуркук* (звукоподражательный способ) и *кряхтун* (опосредованно-метафорический), *малый дятел* (прямой) и *дятлик* (морфологический) и т.д. [Голев; электронный ресурс].

Большинство названий птиц имеют переносные значения, связанные с человеком. Например, журавль – высокий, неуклюжий человек, а тетерев – глухой. Это, на наш взгляд, является одной из причин того, что орнитонимы часто входят в состав фразеологизмов.

По наблюдениям Кутьевой М.В., наибольшую фразеологическую нагрузку берет на себя гипероним «птица» (83 фразеологические единицы) и орнитоним «курица» (88 фразеологических единиц). Примечательно, что в русском языке фразеологизируются как дикие, так и домашние птицы (хотя во многих языках предпочтение отдается только домашним) [Кутьева, 2009; с. 15].

Д.И. Губина делит орнитонимы на три группы, согласно функциональным стилям – научные обозначения птиц, общеупотребительные (традиционные) наименования и диалектизмы. Первая группа состоит из обозначений птиц, применяемых в орнитологии (один из разделов зоологии позвоночных). Наименования этой группы принято относить к специализированной, профессиональной лексике, где выделяются терминология и номенклатура, а они, в свою очередь, подразделяются на термины и номены. Порядок организации орнитонимической лексики в данной группе строго иерархичен и включает базисные таксономические категории в классификации живых организмов: вид, подвид, род, семейство, отряд. Каждая из этих категорий находит выражение в определенном наборе их первостепенных внешних и внутренних признаков, которые в общей сумме создающих представление о том или ином «организме» и о понятии о нем, которое выражено в значении стоящего за ним слова. Вторая группа орнитонимов – традиционные или общеупотребительные названия птиц – включает в себя те лексемы орнитонимической лексики, которые соответствуют требованиям литературного языка и употребляются основной

частью населения какой-либо страны. Частотность их употребления ощутимо выше, нежели использование в речи научных и регионально-просторечных названий. И, наконец, диалектными наименованиями птиц считаются орнитонимы, отличающиеся от предыдущей группы своей ограниченной сферой использования и ненормативностью [Губина, 2016; с. 22-23].

Орнитонимы являются лексической группой, которая испытала влияние мифологической, религиозной, а также обрядовой символики. В формировании символических образов птиц выделяются два периода: языческий и христианский.

В языческом периоде символика теснейшим образом связана с магическим мышлением. Язычники связывали окружающие их объекты материального мира с образами мира идеального на основе ассоциаций (скорее всего, увидев, что вороны питаются падалью, человек связал саму птицу с миром мертвых). На дохристианские символические образы птиц оказала влияние греко-римская мифология, где птицы считались посланцами богов: ворона – Аполлона, бога Солнца; орел – Юпитера, бога войны; павлин – Юноны, богини красоты; сова – Минервы, богини мудрости; воробей, голубь и лебедь – Венеры. Христианская эпоха принесла новый взгляд на роль птиц в понимании устройства мира. Главными источниками информации об этом являлись Библия и Евангелие. Притчи дослужили основой для деления птиц на святых и дьявольских [Костина, 2004; с. 13-14].

Птицы выделяются в особую группу на основании двух признаков – локуса (воздух) и модуса («летать») передвижения. Наряду с этими, иногда появляется дополнительный признак «плавать», который является отличительным признаком рыб. Но приписывается он только группе птиц, таким как утка, гусь, лебедь.

Можно охарактеризовать исследуемый класс следующим образом: птицы – летающие в воздухе (но не ползающие) существа, представленные в народной культуре как собирательно, так и индивидуально [Гура, 1997, с. 527].

У исследуемой нами группы животных четко выделяются две пары оппозиций: **чистый – нечистый** (в основном совпадает с категориями «безвредный – хищный»). К нечистым относятся *ворон, сорока, ястреб, коршун, ночные хищники (сыч, сова), воробей, гагара, утка, кулик*. Также А.В. Гура относит к данной категории летучую мышь, потому что исследует ее символику вкуче с орнитонимами. Чистыми являются *голубь, ласточка, жаворонок, аист, лебедь, чайка, дрозд*. Есть также нейтральная группа орнитонимов, на символике которых не сказывается отнесенность к той или иной категории. Таковыми являются *сокол, коростель, куропатка*. Некоторые птицы вовлекаются в данную оппозицию в локальных традициях (например, в пермском фольклоре гуся часто относят к нечистым животным); **мужские – женские персонажи** (*утка, лебедь, кукушка* и т.д. – женские; *сокол, ворон, гусь* и т.д. – мужские).

Из всех животных птицы наиболее тесно связаны с календарным циклом. И, т.к. ему подчинена почти вся хозяйственная деятельность человека, можно в очередной раз отметить роль пернатых в жизни людей. Поведение птиц – один из факторов, способствующих формированию народного календаря. Очень часто птицы присутствуют в календарных обрядах, своим прилетом оповещают о том, что началась весна, отлет некоторых птиц символизирует наступление осени [Гура, 1997, с. 529].

Дошедшие до нас образы птиц, бытующие в глубинах времен, разнообразны. Это объясняется обширными территориями, которые заселяли славяне.

Группа названий птиц в языке фольклора весьма насыщена. Это обусловлено, с точки зрения М.А. Бобуновой, важной ролью этого пласта лексики в создании образной картины мира. В лирической песне орнитонимы часто выступают в качестве символа, используются в конструкциях образного параллелизма и в качестве объектов сравнения. Наименования птиц часто служат для метафорического обозначения персонажей фольклорных текстов (*лебедушка, пава, орел, сокол*) или в качестве ласкового

обращения к ним (*голубушка, лебедь*) и др. [Бобунова, 2015; с. 533]. Фантастические птицы – отдельная «ниша» в фольклоре и книжной традиции. Это полуптицы-полулюди, которые являются прорицателями и могут приносить людям счастье, удачу, либо несчастья. К ним относятся Алконост, Гамаюн, Стратим, Сирина и Феникс; сказочные персонажи, такие как Царевна-лебедь, Финист ясный сокол и Жар-птица; птицы-спутники сказочных персонажей, наделенные удивительными свойствами [Славянские древности: том 4, 2009, с. 237]. Из многообразия других животных птицы выделяются своей акустической характеристикой. Почти всем видам птиц, встречающимся в фольклоре, присуща способность разговаривать. Основу звукоподражательных текстов в фольклоре составляет имитация птичьих криков. Это сближает птиц с некоторыми предметами быта, которые способны воспроизводить некие звуки при использовании их человеком, например, с церковными колоколами, мельницей, коловоротом и музыкальными инструментами.

Л.Ю. Гусев в своей работе отметил, что наименования птиц в каждом из жанров представлены разным количеством словоупотреблений. Иногда эта разница настолько существенна, что можно говорить о жанровой закреплённости слова (в лирике – соловей, кукушка, в эпосе – ворон). Употребительность орнитонима зависит от тематики, которая преобладает в жанре. Например, существительные лебедь, голубка, утка (утица) крайне редко встречаются в исторической песне, потому что в ней нет мотивов пира, охоты, нет сюжетов свадьбы и сватовства и нет лирической героини, которую называли бы эти орнитонимы.

Метафоризация, связанная с именованим фольклорного героя, свойственна всем жанрам, но в лирике в большей степени заметна тенденция развития значений, пополняющая разнообразие наименований для одних и тех же реалий. Метафоры, в которых субъектом выступает орнитоним, в качестве объекта подразумевают человека. Употребление названий птиц в этой функции – явление довольно частотное, что способствовало

фразеологизации конструкций типа «Марья лебедь белая», «очи ясна сокола» и т.п. Частотные слова исследуемой лексико-тематической группы в каждом из жанров не только называют понятия реально-предметного мира, но и выражают коллективно выработанные критерии народной эстетики. Определяемая этими представлениями оценочность свойственна всем частотным орнитонимам, но в каждом жанре проявляется индивидуально.

В лирическом фольклоре слово очень пластично и способно создавать устойчивые словесные комплексы:

- Наиболее частотно употребление пар «эпитет + орнитоним» в текстах исторических песен. В былинах и причитаниях процент наличия таких пар гораздо меньше, а лирический фольклор и вовсе характеризуется безэпитетным словоупотреблением;

- Глаголы, которые сочетаются с орнитонимом, обозначающим субъект действия, принадлежат нескольким лексико-семантическим группам, среди которых преобладают глаголы движения и речи. С возрастанием от жанра к жанру употребительности какого-либо названия птицы качественный состав связанных с ним глаголов увеличивается. Некоторые орнитонимы, которые подверглись метафоризации (лебедь, голубка и прочие) в песнях лирического фольклора не связаны с глаголом, в большинстве словоупотреблений выступая в роли вокатива или предикатива;

- Орнитонимы, имеющие метафорическое значение, в сочетании с существительным выступают в функции атрибута, заключающего в себе оценку. Наиболее широкий спектр таких существительных у орнитонимов лирического фольклора;

- На уровне межстиховых связей орнитонимы обнаруживают устойчивые тяготения к словам, называющим человека [Гусев, 1996; с. 7-8].

Орнитонимы, которые являются составляющими фольклорных лирических текстов, Л.Ю. Гусев делит на 4 группы:

1. Ядерные;
2. Ближняя периферия;

3. Дальняя периферия;
4. Низкочастотные (единичные случаи).

У наименований птиц, которые относятся к ядру, семантика предельно обобщена. Ядерными орнитонимами считаются:

- *сокол* – воплощение удали;
- *лебедь* – воплощение красоты;
- *голубка* – воплощение верности;
- *кукушка* – воплощение горя, обездоленности.

Орнитонимы ближней и дальней периферии конкретизируют смысл применительно к обряду или ситуации. Например, селезень в лирической песне и свадебном причитании становится «заменой» имени жениха. Его табуирование с помощью названия птицы – одно из проявлений этикетности свадебного обряда.

К орнитонимам ближней периферии относятся *орел, ласточка, ворона, селезень, воробей, пава, сорока, кулик, жаворонок, утка, курица, соловей, петух*. Орнитонимы дальней периферии – *косак, кочет, гусь (гусочка), канарейка*. Появление низкочастотных наименований птиц мотивировано потребностью отражения новой «нетрадиционной» действительности. К данной группе относятся *куропатка, иволга, попугай, дятел*. И ядерные, и периферийные орнитонимы в тексте связаны с ключевыми словами духовной культуры (концептами), а через них – с первичными представлениями психико-ментальной сферы. Так, лебедь, пава, сокол выражают представления о красоте, лебедушка, ластушка в свадебных песнях передают представления о девичьей доле, перепелка и кукушка символизируют горе, неудачу, а ворон и грач являются символами смерти [Гусев, 1996; с. 9-11].

Лежащий в основе поэзии национальный язык так или иначе воздействует на отражение поэтической картины автора, приводя к тому, что в лирических текстах появляются смыслы, понятные лишь в связи с особенностями этнической культуры. Носителем таких смыслов является символика.

Лирический текст отличает повышенный символизм, условность номинаций, которая выражается в том, что прямые значения использованных слов не совпадают с их скрытым смыслом. Сюжет лирического текста представляет собой не внешнее событие, а передает душевные переживания субъекта. Способ выражения сложных ментальных состояний героев – прежде всего, символы [Гладких, 2013; с. 65]. И орнитоморфные символы, на наш взгляд, занимают в текстах лирического фольклора одну из значимых позиций.

Обычно исследователи трактовали фольклорные птичьи образы в контексте продуцирующей или защитной магии. Т.А. Бернштам впервые предложила опыт трактовки орнитоморфной символики восточных славян в иной плоскости – в системе половозрастного символизма. Птичьи образы, фигурирующие в обрядовом фольклоре, исследователь объединила в две группы: диких (водоплавающие обоего пола; лесные всегда одного пола) и домашних обоего пола. Согласно ее выводам, образы первой группы связаны с половозрастными группами молодежи и «молодых» в различных обрядовых ситуациях. Образы домашних птиц обычно символизируют молодую после бракосочетания и вообще семейных женщин. Но и в обрядовом, и необрядовом фольклоре восточных славян среди домашних птиц немаловажное место занимает также петух. Этот символ (также как волк и пес) демонстрирует отчетливую связь с подростковой и юношеской возрастными группами и одновременно оказывается связанным с хищной птицей (соколом и орлом) [Рыблова, 2007; с. 88]. Образ петуха чрезвычайно широко распространен у славян в декоративно-прикладном искусстве: его фигуру часто помещали на крышах домов, заборах, флюгерах, изображали на сундуках и гробах. Главная функция образа петуха в этих случаях: быть стражем, отгонять злых духов и заманивать добрых. Брачная мужская символика этой птицы широко известна у восточных славян. В экспрессивной лексике славянских народов кличка «петух» подчеркивала сексуальную озабоченность, мощь и силу. На Украине и Русском Севере

образ петуха прочно связан с обрядовой сферой молодежных собраний: вечерниц, досвиток и подночевок [Рыблова, 2007; с. 89-90].

Сокол обладает сложной полисемантической символикой. К XIX веку сохранилась в наиболее отчетливом виде одна из его функций — свадебная (сокол выбирает суженую среди водоплавающих). Эта птица символизирует представителя возрастной организации «молодцев» — парней и молодых женатых мужчин. Были определены и главные черты сокола: залетность, чуждость, таинственность происхождения, склонность к насилию. Говоря о связи фольклорного сокола с возрастной группой парней предбрачного возраста и молодых мужчин, исследовательница отмечает, что обычно данная птица выбирает суженую среди «диких водоплавающих», и в этих текстах других мужских «партнеров» не существует [Рыблова, 2007; с. 91]. Существует предположение, что образы орла и сокола соотносятся между собой. Исследователь отмечает, что во многом эти образы сходны между собой до того, что даже существует в народной поэзии сокол-орел, как бы одна двойственная птица. Однако, по наблюдению исследователя, есть между этими двумя образами и отличия: орел «заключает в себе более суровости и мрачности» [Рыблова, 2007; с. 94].

Орнитоморфные символы могут раскрываться и толковаться по-разному, поэтому обязательно стоит учитывать контекст и его особенности. В работе мы рассматриваем орнитонимы в обрядовых фольклорных текстах (более точно — в свадебной и похоронно-поминальной поэзии), а также в текстах лирического фольклора.

Обрядовый фольклор — сложное явление. Исторически сложившееся представление о жанровом составе обрядовой поэзии сформировалось в процессе ее историко-этнографического анализа. Этот тип текстов по своей роли в обряде неоднороден. С одной стороны, в них можно выделить такие произведения, которые выполняли те же функции, что и обряды (н-р, некоторые песни имели магическое назначение). С другой стороны, в обрядах бытовали такие произведения, которые не имели магического,

утилитарного назначения (вторая группа песен). Цель их исполнения заключалась в том, чтобы выразить отношение участников обряда к происходящим обрядовым событиям. Произведения первой группы самостоятельны в обряде, они — сам обряд. Произведения второй группы не имеют такой самостоятельности. Они возникли благодаря обряду: сначала формировался обряд, а затем, как реакция на него, как его последствие, появлялось произведение [Круглов, 1989; с. 6-7]. Тексты данного типа, по мнению, Ю.Г. Круглова, выполняли в быту определенные функции. С их помощью организовывался обряд (ритуальная функция), величали и корили (величальная и корильная функция), заклинали (заклинательная функция), выражали обусловленное обрядом отношение его участников к обрядовым действиям (лирическая функция). Все это нашло свое конкретное выражение в произведениях разных жанров обрядового фольклора [Круглов, 1989; с. 17].

Необрядовый лирический фольклор, в свою очередь, выполняет иные функции, преимущественно – художественную и психологическую, т.к. «главное назначение подобных песен в выражении определенного отношения к фактам и явлениям бытовой и общественной жизни народа, в показе богатства народных мыслей, чувств и переживаний» [Лазутин, 1981; с. 37].

С.Г. Лазутин в своем исследовании делает вывод о том, что поэтические символы в их четко персонифицированном значении употребляются главным образом в обрядовой (свадебной) лирике. Что же касается песен необрядовой лирики, то в них поэтические символы чаще всего обозначают не какой-нибудь конкретный образ (хотя, конечно, и это нередко встречается), а являются выразителями того или иного настроения, создают определенный эмоциональный колорит [Лазутин, 1981; с. 41]. Песенная символика возникла и оформилась в законченную поэтическую систему, на наш взгляд, в связи с возникновением и формированием лирической песни. Материалом для песенной симворики послужил объективный реальный мир, прежде всего окружающий крестьянина мир природы (солнце, месяц, ветер, тучи, река, горы, различные деревья, трава,

цветы, многие породы птиц и т. д.), некоторые виды трудовой деятельности (сеяние, сажание, поливание, косьба, рыболовство, охота и т. д.) и обрядовые действия (вытаптывание сада, открывание ворот, расплетание косы и т. д.).

Раскрытие содержания символов убеждает нас в том, что подавляющее большинство их никак не связано с выражением религиозных представлений [Лазутин, 1981; с. 23].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

Ознакомившись с работами прошлых лет, посвященных изучению орнитонимов, можно заметить, что интерес к данной области лексики проявляли многие исследователи. Аспекты, в которых рассматривают данную тематическую группу, различны: этимологический, номинативный, лексикографический, семантический, культурно-исторический и т.д.

Орнитонимика как область лингвистическая изучена достаточно широко. Самый значительный пласт работ посвящен принципам номинации птиц, способам образования названий (преимущественно – суффиксальный), выявлению основных мотивировочных признаков (внешний вид, поведение, звуковая характеристика и т.д.). Также учеными затронут вопрос о междиалектных различиях наименований птиц и о фразеологизмах, имеющих в своем составе орнитоним.

Как один из основных компонентов фольклорных текстов, орнитоним также вызывает интерес ученых. Группа названий птиц в языке фольклора весьма насыщена и разнообразна, что обусловлено важной ролью этого пласта лексики в формировании образной картины мира.

Орнитонимы как важные составляющие фольклорных текстов представил А.В. Гура, а Л.Ю. Гусев систематизировал их, опираясь на частотность употреблений, закрепленность за каким-то определенным жанром фольклора и смыслы, носителем которых является то или иное название птицы.

Лежащий в основе поэзии национальный язык так или иначе воздействует на отражение поэтической картины автора, приводя к тому, что в лирических текстах появляются смыслы, понятные лишь в связи с особенностями этнической культуры. Носителем таких смыслов является прежде всего символика, и орнитоморфная символика, с нашей точки зрения – один из самых значимых.

ГЛАВА 2

Диалектная орнитонимическая лексика по данным говоров Урала и Пермского края

В данной главе представлена тематическая группа «Орнитонимы», составленная в ходе исследования. Также рассмотрены основные принципы номинации и мотивировка некоторых названий птиц и понятий, связанных с их жизнедеятельностью.

2.1 Тематическая группа «Птицы» по данным говоров Урала и Пермского края

Внушительное количество исследований посвящено изучению названий птиц как лексико-семантической группы языка (ЛСГ). Это обусловлено, на наш взгляд, тем, что орнитонимов в русском языке большое количество (около 600), при этом у одного и того же вида птиц могут появиться совершенно разные названия (путем образования их в среде носителей какого-либо диалекта или заимствований). Несомненно, такой пласт лексики требует систематизации. Таким образом, учитывая лингвистические и экстралингвистические факторы, формируется ядро и периферия ЛСГ. Чем менее выражен (или вовсе отсутствует) тот или иной фактор, тем дальше от ядра находится орнитоним.

Но такая систематизация имеет свои недостатки. Во-первых, могут возникнуть несовпадения в названиях одних и тех же птиц (свойственных общерусскому языку и диалектам). Во-вторых, и, с нашей точки зрения, это является наиболее существенным минусом, мы не можем включить и рассмотреть другие понятия, связанные с жизнедеятельностью птиц, таких как названия детенышей, звуки, издаваемые птицами и т.д.

Поэтому, чтобы охватить более объемный пласт лексики и проанализировать не только «птичьи названия», т.е. субстантивы, но и слова

других частей речи, которые в каких-либо аспектах соотносятся с наименованиями птиц, мы рассматриваем тематическую группу «Названия птиц и понятия, связанные с их жизнедеятельностью». На наш взгляд, это позволит получить более полное представление о способах наименования птиц и обозначение их криков, детенышей и т.п.

Стоит отметить, что в данном исследовании анализу подвергаются наименования диалектные, характерные для территории Урала. Их рассмотрение позволит изучить языковые особенности населения, особенности диалектной языковой картины мира. Она, складываясь на замкнутой территории, в коллективе определенного народа, является основным носителем и отражателем уникальных явлений быта, отношения к работе, природе, животному миру.

Путем метода сплошной выборки был проведен анализ диалектных словарей Пермского края (Словарь пермских говоров, словарь говоров Свердловской области) и отобраны около 500 понятий, связанных с названиями птиц и их жизнедеятельностью. Далее была осуществлена классификация по критериям, основанным на различных признаках:

1. Дикие птицы: коршун (*балабан, болобан, беляк, каршун, коршак, коршунё, цыплятник*), беркут (*берк*), ястреб (*балабан, цыплятник*), ястреб-канюк (*конёк, конюк, пикун, мышеловка*), ястреб-тетеревятник (*тетерник, зимняк*), скопа (*скоба*) утка (*крякуха, крякуша, полевая утка, польская утка, селезняха, ута, утиха*), селезень (*селя, утяк*); виды уток - чернеть (*санга, тунта, тянга, чернять, шернедь, шернедушка*); самка – чернелуха, чернедюха; чернядь хохлатая – белки, белобокая чернядь, белобрюшка, белый луточек, городковая утка, нырковка, нырок, чернядь косатая, буроголовик), соксун (*болтонос, лопоноска, сакса, саксун, сектун, сокзок, соксан*); самка – саксушка, соктуниха), гоголь (*почтальон*); самка – гоголиха), кряква (*косатая, косатка, косатуха, крикуша, крякова, крякуха, крякуша, крякушка*), луток (*капка, клах, колохарь, лоток, лукоян, лутаиш, лутовка, луток*); самка – лутуха), свиязь (*свизь, свисть, связь, сизь*); самка – свизуха,

свизюха), шилохвост (*вострохвост, вострохвостик, вострохвостица, вострохвостка*; самка – *вострохвостица*); дикий гусь (*польский гусь*), тетерев (*копалуха, косарь, палева курица, палуха, польнюшка, полюшка, тетерва, тетерь, тетеря*; самка – *капалуха, копалуха, пальнушка, пеструха, поленюха, полюха, рябуха, тетерьва*), тетерев-косач (*галяк, калям, пальник, поляш, польняк, чухаль, березовик*), глухарь (*колям, капылуха, капал, копал, копалуха, копальник, поляш*; самец – *косач, моховик, мошник, петух*; самка – *глухариха, копала, копалка, копалуха, косачиха, мхарка, пеструха, пойнюшка, полюха, тетеря*), рябчик (*лесной петушок, рябак, рябок, рябочек*; самец – *паляш-косач*; самка – *полюшка, рябуха, рябушка, рябчиха*); виды рябчиков - лесной (*боровой рябчик, уральский рябчик*), полевой (*голоножка, гуменник, колоножка, гумённый рябчик, польской рябчик, степной рябок*); куропатка (*белоножка, капалуха, корупатка, крупатка, курпатка, крупанок, крупач, крупашка, куропашка, куропчишки, польнюшка, рябуха*; самец – *куропан, куропат*; самка – *куропанка*), серая куропатка (*голоножка, петушок, сартянка, сартяночка*), дятел (*долбенник, столбеник, долбляк, дягель, дядель, мартышка*), большой черный дятел (*бортевицк, жёлна, жёлонка, дятел-пикун*), кукушка (*зозуля, зозулька, кокушка, кукуша*; самец – *кокуй*), сойка (*баран, кукуша*), галка (*галица*), сорока (*векша, вещица, хозяйка*), ворона (*карга*), скворец (*скворечки, скворок, скворчик*), голубь (*голубец, гуля*), кулик (*вишивик, зуй, зусь*), вальдшнеп (*боровой кулик, пискорь, пичкирь, слонка, хортень*), чибис (*пивик, пигола, пикалица, пигалка, пиздрик, пикун*), кедровка (*кедрушка, паршук, першук, пери*), зарянка (*малиновка, малинка*), зяблик (*краснозобик, красулька, лябик*), соловей (*соловец*), трясогузка (*плисица, плишка, синичка, синочка, трясуница, трясуха*), ласточка (*двоехвостка, косатка*), стриж (*касатка, косатка*), снегирь (*жулан, жуланка, жуланчик, красногрудик, краснозоб, снежурка*), синица (*двоехвостка, жулан, желван, кузенька, мясянка, мяснушка, синочка, трясогузка*), большая зеленая синица (*жуланчик, зеленчик, зеленушка, мясничок, пинчик*), воробей (*воробышко,*

жолван, желанчик, жулан, жид, чирибай; самка – сычка), козой (водяной петух, барашек), жаворонок (жабрик, козелок), поползень (ползунок) и т.д.

2. Домашние птицы: утка (*Вутка, качка, каченька, кряква, лапчатка, тана, утица, уты (маленькие утки)*), петух (*жыхарько, зевало, косогран, косотуль, кочет, кукорека, певень, певун, петка, петко, пето, петун*), курица (*катя, кати, кокушка, кокурка, курка, курушка, клуша, курчошка, курешошка, куриночка, кутька, кутя, типка, цырыпунья, чепушка*), гусь (*гага, гогль, мала, тега, тига, тигушка; самка – гусина, гусиха; самец – гусак, гусар, гусяк*), индюк (*галдык, индей, курак, курун, курыш; самка – индея, кура, курышка*) и т.д.

3. Части тела птиц: клюв (*клёк*), ключичная косточка птицы (*елец*), конечность птиц (*пакша*), плечевые косточки крыльев (*огнёво, огнива*), крыло (*огниво*), перепонка на лапе водоплавающей птицы (*перепёрышко*), перья (*зорички*), стержень пера (*зорька*), зародыш пера (*пень*) и т.д.

4. Звуки, издаваемые птицами: кричать (*завеньгать, запогоривать, хазить*), кудахтать (*заквохтать, гоготать, квоктать, кекать, квохтеть, керкать, клоктать, клохтать, кохтать, кудаचितь, кудышать, кутычить, тухтычить*), стрекотать (*кокорчить*), чирикать (*начервичивать*), издавать чиликающие звуки (*начиликивать*), звук перьев при полете птицы (*перьево*), шум от крыльев гоголя (*свистеть*), издавать звуки (*кикать, цвиргать*), петь (*воспевать*), кричать (*гукать, кречкать, чувыркать*), громко кричать (*крячить*), щебетать (*щебенькать*), щелкать (*започикивать*), крик косача (*куркать, уркать*), крик сыча (*керкать*), крик филина (*фубать*), крик гуся (*варкать*), куковать (*коковать, скоковать, кукать*), крик перепелки (*фить перо*), крик вальдшнепа (*захоркать*), крик пигалицы (*пиздрить, пикать, напикивать, запикать, пить просит*), крякать (*чиркать, зачиркать, куркать, зашавкать*), кукарекать (*гоготать, кукурикать, опевать, сокотать, тордокнуть*), пищать (о детенышах) (*сымкать, расцветкаться, цемгать, цимгать, чимкать, чиркать*), звуки токующего глухаря (*чувыкать, чувыркать, чухвыскать*) и т.д.

5. Действия, совершаемые птицами: высиживать яйца (*запариться, парить, выпаривать, напарить, опариваться, сводить*), перестать высиживать (*трёкнуться*), проклюнуться (о птенце) (*пропукнуть*), класть яйца (*класться, носиться*), спариваться (*париться*), вывести птенцов (*попариться*), распустить хвост (*распелить*), суетиться (*торошиться*), менять перья, линять (*перепериваться*), кормить птенцов (*жорить*), клевать (*зобать, жульбить*), выклевать (*выналучивать, выжелудить, висбирывать, выщелкать*), вить гнезда (*гнездить*), токовать (*токать, играть, играться*), взлететь (*вспурхнуть, порскнуть*), лететь над головой (*надлететь*), плавать (*болтаться*), махать крыльями (*бузгать, пурхать, пурхаться*), купаться в пыли, чистить перья (*порхать, порхаться, пурхаться, щекотать, попурхаться, топорхаться*) и т.д.

6. Названия птенцов / выводка птенцов: выводок птенцов (*вывод, писклята, синкули, выпар, цыпушки, нарост*), птенец (*пырик*), птенец, выпавший из гнезда (*вывалок, выкидыш, выпадок*), неоперившиеся птенцы (*голышата*), птенец, поднявшийся на крыло (*летняк, подлетыш, слетыш*), птенец, выведенный позже положенного срока (*поздыш*) и т.д.

7. Общие названия птиц: жёнка, касаточка, пёрышко, потка и т.д.

8. Приспособления для охоты / содержания птиц: силок, петля для птиц (*жилка, клопечки, кулешки, сильышки, сильчики, сілья, сима, симка, кляпцы, плетница*), корзина для высиживания гусят (*гусельник, гусятник, гусятница, пестерь, пестерюха*), курятник (*балагашка, залавок, землянка, котух, курушник, кутух, кутятник, цыпушник*), голубятня (*голубница*), скворечник (*дупель, дублянка, дуплё, дуплышка, скворка, скворочка, улейка, чурка*), птицеферма (*куреферма*), помещение для содержания домашней птицы (*ноклев*), деревянная ловушка для птиц (*слабец*), место обитания птиц (*порхалище, порхолище, пурхалище*) и т.д.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что тематическая группа «Орнитонимы» весьма насыщена и разнообразна. Больше количество единиц имеет подгруппа «Названия птиц» - 333 наименования; обозначение

звуков, издаваемых птицами – 73 наименования; действия, совершаемые ими – 37 наименований и т.д. Уже на этапе отбора материала интересным представился факт, что группа названий диких птиц содержит явно преобладающее число наименований, нежели птиц домашних (278 номинаций диких птиц и 55 – домашних), но у последних, напротив, заметно большое количество вариантов и синонимов (н-р, «курица» – 15 единиц, в то время как «тетерев» – 9, «дятел» – 6 и т.д.). Это можно объяснить тесной связью домашней птицы и человека, более частым взаимодействием между ними. Среди диких птиц значительны по объему ряды названий промысловых птиц.

Есть предположение, что многие единицы являются вариантами, имеющими лишь некоторые языковые отличия: фонетические (порхалище / порхолище, дягель / дядель, крякуха / крякуша, синичка / синочка и пр.) и морфологические (крякуша / крякушка, скворка / скворочка, рябуха / рябушка / рябчиха, порхать / порхаться / попурхаться, петка / пета / пето и пр).

2.2 Особенности наименований, включенных в тематическую группу «Птицы»

Любой говор имеет какие-либо специфические черты, которые не свойственны другим. Безусловно, их формирование зависит от множества факторов: особенностей населения, взаимодействия с представителями других народностей и т.д. Этим объясняется частотная вариативность некоторых наименований предметов, которые окружают человека, и названия птиц не являются исключением.

В разделе тематической группы «Названий птиц» вариативность наиболее заметна. В первую очередь, это обусловлено отсутствием письменной фиксации наименований. Но также, на наш взгляд, количество вариантов зависит от того, насколько тесно связаны данная птица и человек.

Для наглядности наименования можно разделить на четыре группы (от большего количества названий – к меньшему):

1. Домашняя птица – курица, петух, утка, гусь, индюк;
2. Дичь – утка, тетерев, глухарь, рябчик, куропатка (и их разновидности);
3. Птицы, обитающие в прочном соседстве с людьми – трясогузка, снегирь, синица, воробей (и их разновидности) и т.д.;
4. «Лесные» птицы – беркут, ястреб, скопа, сойка, галка, сорока и т.д.

Но некоторые наименования не вписываются в данную классификацию по соотношению количества наименований и группы, к которой они относятся. Таковых четыре: коршун, дятел, кукушка и чибис.

Коршун – хищная птица крупного размера, смелая, сильная, умная и зоркая. Согласно нашей классификации, он должен относиться к последней группе, наименования в которой имеют наименьшее количество вариантов, но их явно больше, чем, например, у ястреба, хотя по некоторым показателям эти птицы схожи. Обусловлено это несколькими причинами.

Во-первых, коршуны часто смелеют и селятся близ людей, чем до предела облегчают себе добычу пищи, т.к. охотятся редко и предпочтут охоте падаль. Они следят за деятельностью людей, могут увязаться за рыбаком, отправившимся удить рыбу, или за животным, которое ведут на бойню. Во-вторых, и это, скорее, следствие первой причины. Очень часто жители деревень и сел страдают от того, что коршун таскает цыплят, утят и т.д., чем наносит ущерб хозяйству.

Именно поэтому эта птица чаще попадает в поле зрения человека, и, как следствие, – чаще употребляется в речи, что порождает варианты наименований. Одно из них как раз основано на том, что коршун таскает детенышей домашней птицы (*цыплятник*).

Причиной большого количества вариантов у названий *кукушка*, *дятел* и *чибис*, на наш взгляд, являются их звуковые характеристики и (в случае

кукушки и дятла) их включенность в многочисленные славянские народные приметы. Например, по крику кукушки считают, сколько лет еще предстоит прожить. С пением этой птицы связаны поверья об урожае. Раньше крестьяне старались посадить огородные культуры до того, как кукушка первый раз начнет куковать. А если она запела до 6 мая (Егорьева дня), то это сулило голодный и неурожайный год.

С дятлом связаны следующие поверья: если встретить дятла за работой в лесу, его естественной среде обитания, то здоровье станет крепче, а больной человек быстро начнет выздоравливать. А если дятел попадает человеку в населенном пункте, и, что хуже, долбит стену дома – это предвестие смерти.

Но чем же мотивированы те или иные варианты наименований птиц? На наш взгляд, можно выделить четыре основных признака, которые являются основой для большинства диалектных названий птиц.

Первый признак – *внешний вид*. Группа названий, образованных по принципу выделения какой-либо яркой внешней черты у птицы, одна из самых многочисленных. В нее вошли, например, такие орнитонимы, как:

- *Белобрюшка, белобокая чернядь, белый луточек, буроголовик и т.д.* (чернеть). Основанием для названия послужил окрас оперения самцов – черное тельце и ярко-белое брюшко. Примечательно, что самка, имеющая неброский бурый цвет, в свою очередь, именуется диалектоносителями чернелухой / чернедюхой;

- *Болтонос, лопоноска* (соксун). В обоих случаях признак выражен метафорически – в первом случае широкий приметный клюв утки соотносится с широкой шляпкой болта, во втором, на наш взгляд – с лаптем, т.к. по форме клюв птицы напоминает лапоть;

- *Палева курица, пеструха, рябуха* (тетерев). Основой для названий послужил окрас самки тетерева. Согласно словарю В. Даля, «палевый цвет - соломенного цвета, бледно-желтоватый, бело-желтоватый, изжелта-белый; желто-белесоватый» [Даль; электронный ресурс];

- *Лесной петушок, рябак, рябок, рябочек* (рябчик). В этом случае лесная птица соотносится с домашней (внешне рябчик действительно напоминает петуха), а также учитываются особенности окраса (пестрый, рябой, что нашло отражение и в биологической научной классификации);

- *Белоножка* (куропатка). Основой для наименования послужил, на наш взгляд, окрас птицы: верхняя часть тельца рябая, а оперение около ножек – белое;

- *Краснозобик* (зяблик). Основа для названия – также окрас. Шея самцов зябликов имеет буро-красный цвет;

- Такие птицы, как синица, снегирь, воробей имеют сходное название «жулан» и его варианты (*жуланка, жуланчик и пр.*) На наш взгляд, это связано с так называемой «черной масочкой», «шапочкой», которая проходит через верхнюю часть головы и является отличительной чертой маленькой птицы, имеющей видовое название жулан, или жулан-сорокопут. Также эти птицы имеют другие диалектные названия, созданные на основе внешних черт: снегирь – *красногрудик, краснозоб*; синица – *двоехвостка* и т.д.).

Следующий признак – *звуковой*. Группа наименований, мотивированных звуками, которые издает птица, весьма насыщена. Любопытно, что названия, входящие в нее, часто имеют несколько вариантов. Причиной этому, возможно, стали особенности восприятия человеком звуков, издаваемых птицами и попытки их воспроизведения.

В эту группу вошли следующие орнитонимы:

- *Конёк, конюк, пикун* (ястреб-канюк). Согласно словарю В. Даля, «полевой коршун, род ястреба, докучающего клетком» [Даль, электронный ресурс]. Также слово *канюк* имеет другое значение - «назойливый попрошайка, нищий» [Фасмер, т.2, 1987; с. 183]. Но, т.к. особенности поведения птицы никак не коррелируют с последним толкованием, мы склонны считать основой наименования звуковой признак. Хотя, согласно словарю М. Фасмера, глагол *канючить* - «клянчить, донимать просьбами»

этимологически восходит к орнитониму *канюк*, «из-за пронзительного крика коршуна» [Фасмер, т.2, 1987; с. 183];

- *Крякуха, крякуша* (утка);
- *Крикуша, крякова, крякуха, крякуша, крякушка* (разновидность утки – кряква);
- *Дятел-пикун* (дятел);
- *Баран* (сойка). На наш взгляд, целесообразно отнести данное название в эту группу, т.к. пение сойки отдаленно напоминает звуки, издаваемые бараном. По тем же причинам сюда относится наименование «*барашек*» (козодой);
- *Зуй, пискорь, пичкирь* (кулик);
- *Хортень* (вальшнеп). С нашей точки зрения, является основой для глагола «хоркать» - звук, который издает данная птица;
- *Пивик, пигола, пикалица, пигалка, пиздрик, пикун* (чибис);
- *Почтальон* (гоголь). Мотивация данного орнитонима прослеживается слабо, но, ссылаясь на объяснение собственно диалектоносителей, можно говорить о звуковой основе названия. Полет гоголя сопровождается характерным свистом: «На севере его поштальоном зовут. Как с колокольцам едет». [Востриков, Липина, т. 5; 2005].
- *Кукорека, певень, певун* (петух) и т.д.

Не менее значим пласт орнитонимов, основанных на *поведенческих* особенностях птиц. Таковыми являются:

- *Нырковка, нырок* (чернеть);
- *Копалуха* (тетерев). Наименования пришло из финских языков, где сходным образом (карельское *коррала*) называют самку глухаря. В ряде вариантов мы видим фонетические трансформации – *капылуха, копалуха*. Возникает также название самца птицы *капал, копал, копальник*. Известна и уменьшительная форма *копаленок* для детеныша птицы. Заимствованное название, таким образом, по правилам народной этимологии сближается с

глаголом *копать* (гнезда самки глухаря устраивают в земле, в ямке, которую зачастую сами и копают);

- *Капылуха, капал, копал, копалуха, копальник* (глухарь);
- *Вещица, хозяйка* (сорока). Данное диалектное наименование связано с «говорливостью птицы», ее голосовыми возможностями. Она может прищелкивать, кряхтеть, стрекотать и, таким образом, общаться с себе подобными, но поет крайне редко. В говорах соотносится с «болтливым человеком, особенно женщиной, пустоплетом» [Даль, электронный ресурс]. «Она, вешшица-то, вещует всё, предсказывает», «Разболталась хозяйка. Хлопочет она, кричит как хозяйка, вот и зовут её так. Вот и говорят: хозяйка прилетела» [Востриков, Липина, т. 5; 2005];

- *Трясуница, трясуха* (трясогузка);
- *Ползунок* (поползень) и т.д.

Менее многочисленна группа орнитонимов, имеющих в своей основе *связь с употребляемой пищей* птиц. С нашей точки зрения, это связано с поведенческими особенностями – как правило, они осторожны и питаются вдали от глаз человека, за исключением, возможно, тех, которые обитают в тесном соседстве с людьми.

- *Цыплятник* (коршун);
- *Мышеловка* (ястреб);
- *Мяснушка, мясянка, мясничок* (синица). Согласно этноидеографическому словарю русских говоров Свердловской области, «названа так за то, что когда в амбары выносят мясо, она клюёт его»: «мясничок любит сало, где скот забивают» [Востриков, Липина, т. 5; 2005];

- *Березовик* (тетерев-косач). На первый взгляд может показаться, что данный орнитоним соотносится, например, с местом гнездования птицы. Но на самом деле, косача называют так потому, что он питается почками (в частности, березовыми): «косача зовут березовик, он березовыми почками и сережками питается» [Охотничий словарь Прикамья, 2013; с. 82] и т.д.

Последний признак, выделенный нами – *связь с местом обитания / временем*. В данную группу мы включили следующие наименования:

- *Зимняк* (ястреб-тетеревятник);
- *Польский гусь* (дикий гусь). В основу признака легло существительное «поле» как маркер дикости птицы;
- *Полевая утка, польская утка* (утка);
- *Моховик, мхарка* (глухарь);
- *Гуменник, гумённый рябчик, польской рябчик, степной рябок* (рябчик). На наш взгляд, здесь нет связи с мифологическим персонажем гуменником (овинником). В основе названия – гумно как площадка для обработки хлеба «место, где скотина топчет скошенный хлеб» [Фасмер, т.1, 1986; с. 474];
- *Водяной петух* (козодой). Названия связано с предпочитаемым местом гнездования птицы – речные долины и болота. «И водяной петух есть, у воды живёт» [Востриков, Липина, т. 5; 2005] и т.д.

Также, с нашей точки зрения, целесообразно будет выделить группу орнитонимов, со *слабо выраженным или «смешанным» мотивировочным признаком*. Она малочисленна и характеризуется тем, что толкования единиц не соотносятся с признаками, выведенными нами выше, либо имеют несколько возможных вариантов возникновения, либо их основа неясна и слабо коррелирует с самим понятием. К данной группе относятся:

- *Жид* (воробей). Согласно словарю М. Фасмера, «уничиж. – еврей». [Фасмер, т. 2., 1986; с. 53]. На наш взгляд, орнитоним основан на том, что, как правило, воробей стремится украсть корм у других птиц, в том числе домашних – например, кур. Поэтому в сельской местности он имеет наименование с такой маркировкой. Также возможно соотнесение с лесным чертом (жид – табуистическое название черта [Фасмер, т. 2., 1986; с. 53]);
- *Мошник* (глухарь). С нашей точки зрения, существует три варианта возникновения данного названия. Самый очевидный – связь с

местом обитания, т.к. глухари гнездятся, в основном, в болотистых, мшистых местах (мох – моховик – мошник). Также орнитоним может быть основан на внешних особенностях птицы, так называемой «мошне» - раздувшемся от помещенных туда камней зобе. Возможно, что данное название имеет коннотации обогащения. В старину бывали случаи, когда уже на кухне женщина извлекала оттуда кусочки золота, а затем глава семейства возвращался на место поимки птицы, дабы найти там еще драгоценного металла. Согласно словарю В. Даля, «мошна – кошель, сумка, киса, мешочек денежный; частная казна, деньги, богатство» [Даль, электронный ресурс]. Еще одна внешняя особенность – веерообразный хвост птицы. Возможно, что наименование коррелирует с существительным «мошна», которое, согласно словарю М. Фасмера, имеет значение «пучок волос, перьев, <...> родственно «мох» [Фасмер, т.2, 1986; с. 666]. Здесь возможен следующий путь образования орнитонима: мошна – мошник – мошник;

- *Карга* (ворона). Любопытно, что в словарях изначально это слово имеет не менее 2х вариантов толкования: ворона и старуха с пометкой «бранно». «Карга / корга – ворона, старуха, блр. «корга» - старуха» [Фасмер, т.2, 1986; с. 196]; «карга – ворона, старуха (бранно), <...>, кривулина, каракуля, коряга, кривое дерево, <...>» [Даль; электронный ресурс]. Возможно, названа так из-за соотнесения повадок и внешнего вида птицы с колдовским, злым началом. «Карга всяку падаль ест. <...> У, раскаркалась, карга старая» [Востриков, Липина, т. 5; 2005];

- *Малиновка, малинка* (зарянка). Здесь возможны два варианта возникновения названия. Первый – соотнесение маленькой птицы с оранжевой головой и шеей непосредственно с ягодой малиной. «Малина – туттовая ягода, <...>, родственно лит. *mėlyna* «пятно», <...>, лат. *mulleus* «красноватый», <...> [Фасмер, т.2, 1986; с. 563]. Второй, и, на наш взгляд, наиболее вероятный вариант – соотнесение с выражением «малиновый звон» в значении «мелодичный» [Фасмер, т.2, 1986; с. 563];

- *Жихарько* (петух). Согласно словарю Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, «жихарько - дух домашнего очага русских, преимущественно в северных губерниях (Олонецкой); маленького роста, взъерошенный, с большой бородой, весьма добродушный, безвредный и большой шутник» [Брокгауз, Ефрон; электронный ресурс]. Возможно, орнитоним основан на схожих свойствах петуха и домового – изгонять из человеческого жилища темные силы и беды и т.д.

Также хотелось обратить внимание на заимствованные названия, т.к. это тоже значительный пласт орнитонимической лексики. Например, диалектное название коршуна *балабан* «заимств. из тур., крым.-тат. *balaban*: 1) с большой головой, 2) род хищной птицы; кыпч. *balaban* «сокол» [Фасмер, т.1, 1986; с. 111]. Также вариантом этимологии могут быть звуковые особенности, присущие птице, но, на наш взгляд, более вероятна версия с заимствованием; понятие *зуй* (кулик) пришло из сербохорватского языка «зүй «жужжание», зүйати, зүйим «жужжать» [Фасмер, т.2, 1986; с. 108]; *тянга* / *тунта* (чернеть), «<...> так чернеть называется только в Гарях» [Востриков, Липина, т. 5;2005]; скорее всего, название связано с марийским «тянга» - звонкий, звучный, громкий. *Качка* (утка) пришло в говоры из украинского языка, а в него, в свою очередь, из польского: «укр. *качка*, чеш. *качка*, польск. *kaczka*, в.-луж. *качка*, н.-луж. *качка*. В укр. заимств. из польск.» [Фасмер, т.2, 1986; с. 214]. Основа наименования – внешняя особенность птицы: когда она находится в воде, на плаву, то покачивается, и т.д.

Помимо номинаций, одной из многочисленных подгрупп, полученных нами в ходе работы, являются звуки, издаваемые птицами и детенышами. Обозначение звуков (особенно тех, которыми характеризуется тот или иной вид птиц), как правило, основан на звукоподражании (*куковать* – *коковать*, *скоковать*, *кукать*, крик филина – *фубать*, крик пугалицы - *пиздрить*, *пикать*, *напикивать*, *запикать*, пищать (о детенышах) - *сымкать*, *расцевкаться*, *цемгать*, *цимгать*, *чимкать*, *чиркать*, кудахтать - *заквохтать*, *гоготать*, *квоктать*, *кекать*, *квохтеть*, *керкать*, *клоктать*, *клохтать*,

кохтать, кудачить, кудышать, кутычать, тухтычать, крик косача - *куркать, уркать* и т.д.). Такое количество синонимов, на наш взгляд, связано с индивидуальностью восприятия звуков человеком.

Любопытной особенностью является номинация звуков птиц посредством ассоциаций, когда сочетание звуков, издаваемое животным, отдаленно напоминает звуковую оболочку какого-либо слова или словосочетания, н-р, крик пигалицы – *пить просит*, крик перепелки – *фить перо*.

Народная «слуховая» картина мира запечатлевает звуки, которые в обычной жизни не слышны. Таково название звука перьев при полете птицы *пéрьево*: «Где-то птицы поднялись, перьево слышно» (с. Романово, Усолье). Слово образовано с помощью субстантивации от прил. *перьевой*, которое, в свою очередь, связано с охотничьим названием пернатой дичи (*по перу идти* – охотиться на пернатых) [Подюков, 2006; с. 122]. Понятие зафиксировано в охотничьем словаре Прикамья и появилось, на наш взгляд, для того, чтобы выделить значимый для промысловика признак приближения дичи.

Что касается остальных подгрупп, полученных нами в ходе исследования, - там набор мотивировочных признаков менее разнообразен, но у большинства понятий можно выделить один из пяти признаков, выведенных нами выше, например, внешний вид: *пень* (зародыш пера), *колесо* (распущенный хвост глухаря), *голышата* (неоперившиеся птенцы), *покрывало* (сеть-ловушка для птиц) и т.д.; звуковой признак: все наименования звуков, издаваемых птицами (часть из них основана на звукоподражании, например, *цвиргать, керкать, уркать, пиздрить, хоркать* и пр.), *писклята, синкули* (цыплята) и т.д.; поведенческий признак: большая часть действий, совершаемых птицами (например, *торохишиться* (суетиться), *класться* (класть яйца), *зобать* (клевать), *болтаться* (плавать) и пр.), *молчун* (глухарь, не участвующий в токовании), *подлеток, слетыш* (птенец, вставший на крыло) и т.д.; связь с употребляемой пищей:

выжелудить (выклевать); связь с местом обитания / временем: *поздыш*
(птенец, выведенный позже положенного срока) и т.д.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

Тематическая группа, созданная нами путем изучения словарей, оказалась весьма насыщенной и разнообразной. Данный факт обусловлен широким, детализированным знанием мира природы диалектоносителем. При попытках систематизации полученных данных мы получили восемь групп понятий: названия птиц (диких и домашних), части тела птиц, действия, совершаемые птицами, звуки, издаваемые ими, синонимы гиперонима «птица», обозначения птенцов, приспособления для охоты и содержания птиц, а также группу «Разное», куда вошли наименования мяса птиц (мясо глухаря – *глухарятина*), охотников (охотник на птицы – *птичник*, охотник на валдышнепов – *вальшнепятник*, легкое ружье для охоты на уток, гусей – *уточница* и т.д.). Рассматривая наименования системно, можно получить более полное представление о данной тематической группе, отметить основные пути появления понятий.

При исследовании особенностей появления орнитонимов нам удалось выявить пять основных принципов номинаций (в основе которых какие-либо особенности животных, т.н. мотивировочный признак): внешний вид (*белобрюшка*, *болтонос*, *пеструха*, *лесной петушок* и т.д.), звук (*конек*, *крякуша*, *баран* и т.д.), характерное действие (*трясуница*, *копалуха*, *ползунок* и т.д.), употребляемая пища (*мяснушка*, *цыплятник*, *мышеловка* и т.д.), место и время обитания (*зимняк*, *гуменник*, *польский гусь* и т.д.).

Многие наименования имеют несколько вариантов, полученных в ходе фонетических трансформаций, н-р, *балабан* – *болобан* (коршун), *корупатка* – *крупатка* – *курпатка*, *крупашка* – *куропатка* (куропатка), *катя* – *кати*, *курешочка* – *куришошка* (курица), *саксун* – *сокзок* – *соксан* (*соксун*) и т.д.; и морфологических трансформаций, н-р, *крякова*, *крякуха*, *крякуша*, *крякушка* (кряква) - замещение суффиксов, *красногрудик*, *краснозоб* (снегирь) - замещение корня и т.д.

Стоит отметить, что некоторые обозначение звуков, присущих определенному виду птиц, образованы от диалектного наименования данной птицы, либо орнитоним – от звуковой характеристики, н-р, *хортень* (вальдшнеп) – *захоркать*. Некоторые звуки имеют в основе наименование другого вида птиц, н-р *пиздрик* (чибис) – *пиздрить* (крик пигалицы). Но, как правило, в основе наименований звуковых особенностей лежит звукоподражательная основа, н-р, *коковать*, *скоковать*, *кукать* (куковать), *фубать* (крик филина), *пиздрить*, *пикать*, *напикивать*, *запикать* (крик пигалицы) и т.д. Что касается остальных подгрупп, полученных нами в ходе исследования, - там набор мотивировочных признаков менее разнообразен, но у большинства понятий можно выделить один из пяти признаков, выведенных нами выше, например, внешний вид: *пень* (зародыш пера), *колесо* (распущенный хвост глухаря), *голышата* (неоперившиеся птенцы), *покрывало* (сеть-ловушка для птиц) и т.д.

Данная тематическая группа формирует некий образ мира, модель универсума, являя собой своеобразную систему представлений этноса о поведенческой природе птиц, их особых свойствах, акустических их особенностях и пр.

Орнитонимическая лексика является важным компонентом диалектной картины мира любого региона. Она имеет естественный характер благодаря тому, что складывается на определенной территории в замкнутом коллективе, отражает бытовые особенности этноса, характерные черты бытия, близость к природе и т.д. Картина мира данного типа, как правило, не искажается, не регламентируется и не ограничивается никакими рамками. Поэтому она более свободна в своих проявлениях; диалектоноситель иначе воспринимает явления окружающего мира и, соответственно, иначе называет их.

В отличие от литературного языка, диалект передает особенности восприятия человеком жизни птиц, как диких, так и домашних. Люди связаны с птицей во многих аспектах жизни: в хозяйстве, охоте, и именно

домашние птицы и дичь имеют большой набор диалектных наименований. Дикие птицы часто бесполезны в вышеназванных отношениях, но их названия, тем не менее, являются полноправными составляющими картины мира. Чаще всего их наименования в основе имеют признак, который человек считывает чаще и яснее всего. Иногда они являются результатом метафорического переосмысления, т.к. в картине мира диалектоносителей природные объекты являются самостоятельными сущностями, способными воздействовать на человека (как положительно, так и негативно). Это является следствием того, что птицы издревле воспринимаются сознанием человека как магические существа. Некоторые из них являются обязательными элементами обрядов и ритуалов (н-р, у крестьян Орловской губернии накануне Рождества было принято избивать воробьев в наказание за то, что при крестных страданиях Христа они кричали «Жив! Жив!», когда другие птицы – «Умер! Умер!», что аргументировалось приверженностью к крестьянской вере), и даже сам образ птицы бывает предельно значим (в праздник Жаворонки из теста выпекаются маленькие птички для привлечения жаворонков, которые являются вестниками весны. Также их выкладывали в изготовленные соломенные гнезда, чтобы отвести от домашней птицы болезни). Помимо этого, мистическая природа пернатых подтверждается большим количеством примет, поверий, в основе которых – поведенческие особенности данных животных.

Примечательно, что в комплексе понятий, вошедших в состав тематической группы, нашли отражение те нюансы жизни птиц, те их качества и характеристики, которые не замечает городской современный человек. Человек деревенский, напротив, очень чутко и точно чувствует природу, образно отражая в номинациях ее реалии. Его речь – своеобразный фиксатор многовекового жизненного и интеллектуального опыта людей, поэтому настолько значим ее анализ.

ГЛАВА 3

Роль орнитонимов в обрядовой и фольклорной коммуникации

В этой главе представлены результаты исследования текстов лирического фольклора с компонентом-орнитонимом. Была рассмотрена частотность употребления наименований птиц в фольклорных текстах, символические смыслы, которые они вносят в обрядовые и необрядовые песни и частушки, а также основные средства их актуализации.

3.1 Орнитонимы в обрядовых текстах и текстах лирического фольклора Урала и Пермского края

Фольклорные тексты могут дать самое полное представление об укладе народной жизни, быте человека, взаимоотношениях, важных жизненных событиях, и, что наиболее важно для нас, о чувствах, переживаниях, мыслях и потрясениях.

Жанровый состав фольклорных текстов разнообразен. Условно их можно поделить на обрядовые и необрядовые (об их отличиях сказано в главе 1). Обрядовые тексты содержат две категории: календарный фольклор, с помощью которого люди обращались к высшим силам, прося у них, например, хорошего урожая в период земледельческих работ, или защиты, счастья во время рождественских колядок или масленичных гуляний; и семейно-бытовой, сопровождающий все основные этапы человеческой частной жизни (рождение ребенка, создание семьи, смерть и пр). Необрядовый фольклор имеет в своем составе более разнообразный набор жанров, например, народную драму, былины, сказки, детский фольклор, пословицы и т.д.

Лирический текст, как правило, многопланов, при этом план реальный, события, представляющие собой непосредственно сюжет произведения, играет второстепенную роль. Наиболее важным компонентом здесь являются

эмоции субъекта, его переживания. А основным способом выражения того или иного психологического состояния человека являются, в первую очередь, символы.

Испокон веков человек соотносил свое состояние с явлениями природы и животного мира. Поэтому фольклорные тексты имеют столь разнообразные наборы символов. Символы птиц здесь занимают одно из значимых мест, т.к. эти существа – обязательных элемент различных ритуалов, мифопоэтических традиций, а также религий, в том числе и христианства.

Орнитонимические символы передают особенности мировосприятия людей, населяющих определенную территорию. Существует так называемый орнитоморфный код языка культуры. Данные символы очень прочно укрепились в народном сознании.

Для того, чтобы выявить наиболее значимые символы птиц в текстах лирического фольклора Урала и Пермского края, были проанализированы более пятисот текстов, из которых отобран 101 с компонентом-орнитонимом. После была произведена классификация по частотности употребления.

Тексты обрядового фольклора

Высокочастотные	Среднечастотные	Низкочастотные	Раритетные
Сокол – 10 текстов	Лебедь – 5 текстов	Утка \ селезень – 3 текста	Гусь – 1 текст
	Гипероним <i>птица</i> – 4 текста	Ворон – 3 текста	Соловей – 1 текст
		Сорока – 2 текста	Канарейка – 1 текст
		Голубь – 2 текст	Пава – 1 текст
			Ласточка – 1 текст
			Гоголь – 1 текст

Тексты необрядового фольклора

Высокочастотные	Среднечастотные	Низкочастотные	Раритетные
Соловей – 11 текстов	Лебедь – 5 текстов	Ворон – 3 текста	Журавль – 1 текст
Петух – 11 текстов	Кукушка – 5 текстов	Канарейка – 3 текста	Чиж – 1 текст
Голубь – 10 текстов	Утка – 5 текстов	Гусь – 2 текста	Пава – 1 текст
Курица – 7 текстов	Сокол – 5 текстов	Воробей – 2 текста	Гипероним <i>птица</i> – 1 текст
	Орел – 4 текста	Сорока – 2 текста	Филин – 1 текст

Классификация была произведена следующим образом: высокочастотные орнитонимы – от 7 и более текстов, среднечастотные – 4-6, низкочастотные – 2-3 и раритетные – 1. Можно отметить, что в текстах различного характера одно и то же наименование располагается в разных категориях: *утка* в текстах обрядового фольклора встречается реже, нежели в необрядовых текстах, как и, например, *гусь*, а гипероним *птица*, напротив, из группы среднечастотных переходит в раритетные. *Сокол*, единственно частотное наименование в обрядах, в необрядовой лирике встречается вполтину реже.

Часть орнитонимов, включенных в необрядовые тексты, в обрядовых не встретились нам совсем, н-р, *петух*, *курица*, *кукушка*, *воробей*, *филин* и т.д. Связано это, на наш взгляд, с тем, что большинство этих птиц «нечистые», связанные в мифологии славян с темными силами, а некоторые имеют демоническую природу. Например, появление около жилища ночных птиц семейства совиных (в т.ч. и *филин*) считается предвестием смерти, а их крики говорят о возможном предстоящем пожаре.

У некоторых орнитонимов, исследуемых нами, семантика предельно обобщена. Особо это заметно в текстах обрядового фольклора и связано с тем, что в поэзии этого типа целью является не передача ментальных

состояний субъекта. Она отражает суеверные представления предков и сопровождает некое магическое действие или событие. Кроме того, образы и символы ее, с нашей точки зрения, в большинстве случаев канонизированы. Например, орнитоним *сокол* является наиболее частотным, и в ста процентах случаев он встречается в свадебных песнях, являясь образом либо жениха, любимого, либо его братьев, но, в любом случае, символизируя собой мужское начало. Любопытно, что в одном из текстов устоявшиеся пары «сокол – лебедь», «сокол – голубка», являющиеся символами жениха и невесты, заменены парой «сокол – соколинка» (*Ой, сокол вырос да во Муромском городе, / Ой, соколинка выросла да в московском городе. <...>*). Возможно, в этом тексте сделан акцент на некоем единстве душ жениха и невесты, исключая разнородные пары, закрепившиеся в русском фольклоре.

Орнитоним *лебедь* во всех рассматриваемых текстах обрядового фольклора употреблен в сочетании с эпитетом «бела / белая», что в очередной раз подтверждает наличие фразеологизированных фольклорных конструкций (<...> - *Ты, Мария, встань, лебедь бела, разбудись. <...>*; - *Ты не плачь, не плачь, Мария, не рыдай же, лебедь бела.<...>* и т.д.). Присутствует это словосочетание, в основном, в свадебных песнях (величальных и причитаниях), являясь символом невесты. Но один из текстов с данным орнитонимом в отобранном материале относится к похоронному причитанию, что, на наш взгляд, не совсем типично, но смысл его, тем не менее, остается неизменным:

«Ой ты солнышко» (похоронное причитание)

Ой ты солнышко, о, да моя сношенька,

Нарядилась ты, да куды же у нас сподобилась,

Улететь хочешь белым лебедем,

Улететь хочешь сизым голубем <...>

В этом тексте орнитонимы *лебедь* и *голубь*, имеют, на самом деле, самые привычные для них коннотации. Оплакивают сноху – продолжательницу рода, невестку, хранительницу очага, поэтому она

соотносится с лебедем, символизируя женское начало. Голубь же привносит в песню религиозные мотивы. Он соотносится с душой умершей, т.к. по поверьям многих народностей, именно «сизым голубем» из покойника вылетает душа.

В ходе исследования обрядовых текстов Урала и Пермского края мы выяснили, что орнитонимы, используемые в них, не приобретают каких-либо новых символических смыслов, т.к. обряд, как правило, строго регламентирован, и, соответственно, образы, задействованные в нем, имеют конкретную функцию. Поэтому понятие *птица* и его формы и синонимы (птички, птахи, касаточки и т.п.) присутствуют, в основном, в похоронно-поминальных текстах, т.к. птица является символом души человека (<...> *Тут стоит дерево да кипарисовой. / На ем птички сидят, да птички райские, / Златоносые да златоусые, / Златопёрые да златокрылые* <...>), либо ее проводником (<...> *Налетите-ка, птички-пташечки, все заморские мои касаточки, / Вы раскройте-ко белый саван хоть по ниточке, по шажочику.* <...> / *Ох ты, солнышко, родима мамонька, / Ох, раскройте вы, очи ясные... <...>*). В последнем тексте просится о воскрешении умершего поэтому, на наш взгляд, призываются именно птицы – чтобы они сопроводили душу человека обратно к телу. Также в одном из свадебных причитаний с полетом птицы соотносится вольная, беззаботная жизнь незамужней девушки (*У пташечки, у касаточки на лету крылья трепыхаются, / Как у душечки, у красной девицы / Не ума не было, не во разума. Во замуж идти, / Да во чужие люди, во крепкие руки.* <...>). Здесь в текст включен диалектный орнитоним *касаточка* (ласточка). Упоминание в песне бракосочетания не случайно, т.к. ласточка считается символом брака, женщины как хранительницы очага (т.к. отличительная особенность данной птицы – строительство глиняного гнездышка).

Ворон является символом деверя (<...> *Как чужие-те деверья да братчики, / Ой, да словно вороны они черные,* <...>), вестником расставания (*За лесом солнце закатилось, там черный ворон прокричал. / Слеза на грудь*

мою скатилась, последний раз «прощай» сказал. <...>), а в поминальной песне «Две вдовушки» черными воронами названы дети вдовы от третьего брака. Так показывается жизненный уклад вдовы – согласно христианской традиции, она не должна после смерти мужа в дальнейшем выходить замуж, Иисус наставляет их не отказываться от вдовства (<...> «- Ох вы, вдовьюшки, вдовы, благоверные души, / Как первые венцы – светлы светлицы, а другие венцы замедены, / А третьи венцы темней темной темницы. / А первые дети – птички-пташечки, а другие дети – словно голубчики, / А третьи дети – черны вороны. <...>). Вообще птицы, символизирующие в этом тексте детей, выстроены от «светлых» к «темным». Птица – символ чистоты, свободы и пр., голубь может иметь как положительную функцию, так и оказаться вестником смерти, а ворон – это уже нечистая, демоническая птица.

Если обратиться к текстам необрядового фольклора, то можно заметить, что там даже у рассмотренных нами орнитонимов, которые, казалось, строго закреплены за конкретными образами (сокол – жених, лебедь – невеста), спектр их расширяется и становится более свободным. Сокол здесь может быть символом деверя, а лебедь – золовки (<...> *Вы, деверья-соколы, ваши жены таковы. / Вы, золовушки, белые лебедушки. <...>*), голубь избавляется от коннотаций смерти и становится символом любви, любимой или любимого, причем часто в песне говорится о паре голубь – голубиночка / голубка (*Как на дубчике голубчики сидят, меж собою разговаривают, / Ой вы, розы, розы алые мои, меж собою разговаривают <...>*), либо он упоминается как вестник (*Голубь-голубочек, сизой воркуночек. / Чо ты, голубь, в гости не летаешь? / Али моего домечку не знаешь, / Али мой ты, голубь, голос не слыхаешь, <...>*).

Очень много смыслов в текстах необрядового фольклора приобретают орнитонимы *соловей* и *кукушка*, которые тесно связаны между собой.

Соловья, как правило, относят к птицам «чистым». Его пение было очень значимо, т.к. именно с ним связано большое количество примет, н-р,

если соловей поет всю ночь – день будет теплым и солнечным; если эта птица начала петь – заморозков больше уже не будет. Даже на уровне примет уже прослеживается связь кукушки и соловья – существует поверье, что обе птицы начинают пение, когда деревья уже покрылись листьями, а если это произойдет раньше – год будет неурожайным.

Потому, что так значимо именно пение этой маленькой птицы, именно оно чаще всего упоминается в лирических песнях (<...> *Да одна девка наперед-ту идет, да во руках соловейку несет. / Соловеюшко насвистывает – красны девушки возыгрывают <...>; Где эти лунные ночи, / Где это пел соловей, / Где эти карие очи, / Кто их ласкает теперь? <...>*, и т.д.). В данных текстах любовь и пение соловья напрямую зависят друг от друга (*Скрылось солнце за горою, утихли песни соловья. / С прелестной девой чернобровой прощался парень навсегда. <...>; Чудный месяц плывет над рекою, соловей заливался вдали. / Ты сказала, потрянув головою: «Хоть на лодке меня прокати» <...>*). Если пропадает пение – это сулит расставание, если птица «заливается» - это символизирует зарождение чувств.

Любопытно, что нам встретились два текста, где соловей, можно сказать, «отпевает» персонажа над его могилой, при этом персонажем является молодой мужчина, солдат или сирота, – тот, кто одинок и не имеет родных и близких. Присутствие в данных песнях этой птицы, на наш взгляд, нужно для указания на то, что погибает персонаж молодым, еще не успев никого полюбить. При этом стоит отметить факт, что в обоих текстах упоминается, что поет соловей ранней весной (<...> *На мою на могилку знать, никто не придет.<...> / Ой, да только соловей пропоеет, да только ранней весной. <...>; <...> На мою на могилку / Здесь никто не придет / Только ранней весной / Соловей пропоеет. <...>*). Выше мы отметили, что его пение на ветвях, еще не покрытых листвою – символ неурожая, отмирания, омертвления, что напрямую связано с событиями, описанными в тексте – в первом случае – с гибелью солдата, во втором – со смертью сироты на чужбине.

Кроме всего прочего, в рассмотренных текстах соловей выступает в качестве любимого, даже организуя пару с кукушкой. Мужская символика соловья редко бывает представлена в фольклорных текстах, и, чаще он указан как любовник, нежели жених. Что касается кукушки, то для нее создание пары, на наш взгляд, вообще нетипично (хотя женская символика у нее выражена достаточно ярко), т.к. она считается птицей-оборотнем (превращается в ястреба) и обречена на одиночество. В народном представлении, остальные птицы гонят кукушку, а та, подложив свои яйца в чужие гнезда, в свою очередь, жестоко наказывает тех, кто не заботится о них. Многочисленные песенные тексты сводят кукушку и соловья в любовную внебрачную пару, а в некоторых они и вовсе выступают свадебными символами жениха и невесты, причем кукушка выступает здесь в нетрадиционной для нее роли – она наставляет соловья на ум в вопросах семейной жизни. Как раз пару «соловей-кукушка» мы и наблюдаем в одной из встретившихся нам песен (*Соловей кукушку уговаривал: / Полетим, кукушка, во дальние края, / Ох, полетим, кукушка, во дальние края. <...>*).

Помимо уже упомянутого толкования, символ кукушки в фольклорных текстах Урала и Пермского края приобретает еще несколько смыслов. Например, в одной из солдатских песен в образе кукушки актуализируются активно используемые в приметах пророческие свойства – своим кукованием она отмеряет, сколько времени солдатам еще осталось прожить (*Не кукуй-ко, ты моя кукушка, / Не кукуй-ко, ты моя рябая, <...> Не давай солдатикам скуки да / Без того солдатикам скучно. / Без того солдатикам скучно, / Без того солдатикам бедно. <...>*). В частушках образ и кукование кукушки соотносится, как правило, с негативными образами, действия которых имеют неблагоприятный исход. В одной из них это – мать молодого человека, которой «пришлась не по вкусу» его любимая (*На Осановском пруду кукушка куковала. / У миленочка мать меня обраковала*), в другой – подруга, которая ревнует (*Ты, кукушка, не кукуй, куковать не надо. / Ты, подружка, не ревнуй, ревновать не надо*) и т.д. Стоит отметить, что в случае кукушки, как и

соловья, для исполнителя важна, в первую очередь, ее акустическая сторона – почти во всех текстах упоминается ее кукование.

3.2 Средства актуализации символических смыслов орнитонимов

Символ, функционирующий в тексте, нуждается во вспомогательных средствах, которые способствуют раскрытию присущих ему смыслов. Особо важным представляется это в лирических текстах, т.к. понять всю глубину и суть проблемы, которые вложило в них человечество, можно только путем анализа включенных символов.

В работе мы отходим от понятия *символическое значение* и оперируем понятием *символический смысл*. Символическое значение константно, оно закреплено за предметом или явлением и, как правило, неизменно. Например, Солнце является символом божества, тепла, жизненной силы и энергии, колесница – символ власти, лира – космоса, Вселенной и т.д. А символический смысл, напротив, может меняться в зависимости от ситуации, текста, в котором предмет упоминается, индивидуальных особенностей человека. Это различие особо заметно в лирических текстах.

Одной из задач нашей работы является раскрытие орнитонима как значимого фольклорного символа, и, чтобы сделать это более полно, мы рассматриваем тексты групп обрядового и необрядового фольклора. В первой особое внимание мы уделили семейно-бытовым обрядовым текстам, во второй – лирическим песням и частушкам. Именно этот материал, с нашей точки зрения, может помочь изучить орнитоним как символ, имеющий возможность владеть целым спектром символических смыслов, которые проявляются в связи с контекстом и другими символами, с которыми орнитоним коррелирует.

Основными средствами актуализации символических смыслов в рассматриваемых нами текстах являются: *место в тексте* (в зачине), *повторы* (фигура речи, состоящая в повторении звуков, морфов, словоформ),

подхваты / анадиплосис (повтор последнего слова (группы слов) стиха в начале следующего) и *психологический параллелизм* (стилистический прием народнопоэтической речи, выражающийся в сопоставлении с природой событий человеческой жизни или состояний человека). Самым частотным средством актуализации является положение орнитонима в тексте, а именно – нахождение в зачине. Например, в солдатской песне «По деревне тихой днем бродили гуси», уже по зачину можно понять основное ее настроение:

*По деревне тихой днем бродили гуси,
Солнце разливалось, затопив сады.
Где росли в деревне Ваня да Маруся,
А еще Иван-да-Марья – желтые цветы. <...>*

В этом фрагменте – три основных символа: гуси, Солнце и желтые цветы, которые связаны между собой. Желтые цветы, на наш взгляд, в данном тексте символизируют разлуку, расставание – реализуется смысл, с детства заложенный в сознании большинства людей, населяющих исследуемую территорию. Солнце здесь говорит о жизни, плодородии, но ближе к кульминации, состояние природы меняется (<...> *И над тихой Русью день проходит с грустью, / И над небом виснут черные кресты.<...>Помутнилось небо, падая в кусты <...>*). Все больше текст наполняется темой смерти, предвещая гибель мужского персонажа. Жизнь заменяется смертью (вместо солнца на небе появляются черные кресты). В связи с сопровождающими символами образ гусей можно толковать по-разному. Общее настроение песни и другие единицы, в которых нам встретился данный орнитоним, приводят к мнению, что в фольклорных текстах жителей Урала и Пермского края гусь является символом расставания, грусти, обездоленности (н-р, в игровой песне «Я по бережку» гуси упоминаются в связи с женской обездоленностью, несчастьем в браке (<...> *Красну ягоду заламывала, со воды гусей соганивала, / Кишьте, гуси, кишьте, серые, домой вам пора, гуси, наплаваться. / Вам пора, гуси, наплаваться, мне, младешеньке, наплакаться <...>*). Упоминание гусей

именно с такой коннотацией встретилось нам даже в обрядовом тексте – свадебном причитании (<...> *Ох, папенька родименький, / Ох, маменька родимая, / Поселите вы на сине море да серых гусей. / Каково гусям протиши дна супротив воды, каково мне / Жить во чужих людях, да во крепких руках.* <...>). По словам А. В. Гуры, гусю присуща свадебная и брачная символика, он часто олицетворяет собой жениха [Гура, 1997; с. 674]. С нашей точки зрения, в рассматриваемом тексте данная семантика несколько притуплена, и гуси здесь - указание на мужественность, храбрость героя. Также эти птицы могут воплощать собою душу героя, который погиб, но душа его вернулась в родные края (<...> *Раннею весною возвратились гуси. / «Неужели, Ваня, не вернулся ты?» / Где упали слезы девушки Маруси, / Там цветут Иван-да-Марья – желтые цветы*).

Любопытна реализация орнитонима в песне «Как бы с-по морю»:

*Как бы с-по морю, как бы с-по морю, как бы с-по морю, морю синему,
Плывет лебедь, плывет лебедь, плывает лебедь с лебедятама,
Со малыша, со малыша, со малыша, со дитятыма <...>*

Далее сюжет развивается следующим образом: добрый молодец убивает лебедь, ее пух и перо разлетаются по земле, и за ним приходит девушка, в ком мужчина видит свою судьбу. Мотив убийства птицы в любовной песне, на наш взгляд, сугубо условен, тем более убийства лебедя, который считается символом любви, невесты, деторождения, тем более что данное действие у русских считается грехом. Лебедь – одна из наиболее почитаемых русским народом птиц. Вместе с соколом он стал почти олицетворением Руси. Образ лебедя является наследием древнейших верований и обычаев людей. И изначально эта птица являлась символом красоты и чистоты. В троицких песнях часто имитируется брак и создание семьи. Лебедь с лебедятами – образ матери с детьми. Лебедь убивает молодец, т.к. сватовство часто в народной культуре представляется образами охоты, рыбалки. Поэтому в данном тексте птица является предвестником брака.

Следующее средство актуализации – повторы и подхваты как разновидность повторов. Именно его работа, на наш взгляд, более наглядна, т.к. с помощью повторов внимание читателя и слушателя привлекается уже на визуальном и акустическом уровне, хотя в текстах пермского и уральского фольклора данное средство наименее частотно. Например, в песне «Вдоль по линии Кавказа» акцент делается на орнитониме *ворон*, причем на протяжении всего текста он имеет лишь одну характеристику – черный (<...> *Ты слетай-ка, черный ворон / На сторонку, край родной. / Передай-ка, черный ворон / Отцу с матерью поклон / А жене, моей супруге / Окровавленный платок. <...>*). Здесь, несомненно, есть указание на нечистую, дьявольскую природу птицы, понимание которой корнями уходит в мифологию, а также на его способностью предсказывать смерть. Ворон – символ духовного аспекта смерти, птица, связанная с переходом духа в загробную жизнь. Поэтому персонаж обращается к нему, чтобы ворон донес весть о его смерти родным.

В игровой песне «Собиралися голубки» работают два способа актуализации – положение в зачине и подхват:

Собиралися голубки на синее море, умывалися голубки из моря водою.

Умывалися голубки из моря водою, утиралися голубки травой-муравою.

Молоденький мальчишко трех девчонок любит,

Любит Сашу во Казани, Машу во Сибири,

Манюшеньку-раздушеньку в Нижнем Городочке <...>

Далее говорится о том, что каждой из девушек герой делает подарки – ленты, а последней дарит кольцо, прося о сохранении этой тайны.

На наш взгляд, голубь, вкупе с символами воды, омовения, символизирует собой чистоту, невинность, молодость, олицетворяя собой персонажей данного текста. Также здесь можно обнаружить библейские мотивы. «Голубь участвует в сотворении мира: до отделения воды от земли «Бог был голубем» [Гура, 1997; с. 614]. Так как в песне присутствуют все три символа, с нашей точки зрения, можно предположить, что голубки являют

собой божественные сущности, ангелов-хранителей молодых людей, оберегающих их. И как они чисты и безгрешны, так и для персонажей все происходящее – невинные забавы.

Психологический параллелизм присущ, в первую очередь, текстам частушек, т.к. там нужно максимально лаконично изложить эмоциональные переживания человека, поэтому в них активно используются образы животного мира, состояния природы и т.д.

Если рассмотреть частушку *Я платочек вышивала петухами, утками, / Я миленка забавляла не слезами, - шутками*, можно заметить два орнитонима – *петухи, утки*. Петух олицетворяет собой бдительность, солнце, огонь и мужское начало, а утка, в свою очередь – женское. Это мужское и женское начала соотносятся с влюбленной парой в тексте. Также здесь появляется платок – символ разлуки, и поэтому женщине, казалось бы, хотелось встретить любимого слезами, но она замещает их шуткой, стараясь выплеснуть негативные эмоции, обращаясь к позитивной символической.

Интересный смысл приобретает орнитоним *орел* в тексте *Девки, пойте, девки, пойте, / Девушка – орел-орел, / А теперь какая стала, / До чего милой довел*. Он крайне редко употребляется применительно к женским персонажам, а здесь вообще соотносится напрямую, при этом еще подкрепляется повтором. На наш взгляд, в первую очередь, актуализируются такие черты женщины, как сила, храбрость, самостоятельность, в какой-то степени грубость. Но эти качества ушли, как только в жизни девушки появился тот, кто в любом случае сильнее ее – мужчина.

Любопытно, что такие птицы, как петух и курица чаще всего употребляются именно в частушках. Это следствие, безусловно, того, что петух и курица традиционно представляются неотъемлемой частью крестьянского хозяйства. Являясь объектами трудовой деятельности человека и достаточно яркими фигурами персонажами деревенской жизни, данные птицы осмысляются характеристически. Курица, с которой связана смежная с темой смерти идея зарождения яйца-жизни, являлась символом

плодородия и очистительным «атрибутом» похоронного обряда: ее было принято передавать через гроб одному из участников похорон, так как и курица, и обмывальщик «очищают» тело умершего.

В частушках чаще всего курица является олицетворением женского начала, а петух – мужского, при этом орнитоним *курица* всегда имеет отрицательную коннотацию, символизируя глупую женщину (*Во траве гуляли куры, / А за ними шел петух. / Все доярки наши – дуры, / Между ними ты – пастух; Ох, запели петухи, закричали куры. / Не пора ли нам домой, юрлинские дуры и т.д.*). Любопытно соотнесение курицы с мужчиной как указание на его слабость, неспособность быть главой семьи (*Нонешны куры / Поют петухами, / Нонешны жены / Правят мужиками*). Петух, в свою очередь, является символом мужественности (*У меня на сарафане / Косолапы петухи. / Я сама не косолапа – / Косолапы женихи*). Один из текстов, на наш взгляд, построен на основе ежедневного утреннего пения петуха (*С неба звездочка упала / Прямо на нос петуху. / Петуху неловко стало / Закричал: «Ку-ка-ре-ку»*). Если толковать звезду как символ жизни (Вифлеемская звезда, приведшая волхвов к Иисусу), то, на наш взгляд, в тексте частушки падающую звезду можно охарактеризовать как импульс к началу жизни, нового дня, который знаменует петух своим пением.

Текст следующей частушки - *Пойте, пойте, петушки, / Подпевайте курочки, / Увезут от нас подружку / Из веселой улочки* – на первый взгляд, имеет настроения грустные, негативные. Но, рассмотрев совокупность образов (петух и курица – мужское и женское начала) и учитывая тот факт, что упоминается именно пение, а пение петуха символизирует возрождение, свет и изгоняет темные силы, на наш взгляд, можно сделать вывод о том, что речь идет о сватовстве, свадьбе (поэтому подружку увозят – в новый дом), а данные символы используются как раз в качестве оберегов от всякого рода зла и обозначение зарождения, появление новой семьи.

Также, возможно, пение петуха как символ, оберегающий от зла, используется в частушке *Я качалась, не боялась, дома пели петухи. / Я в*

который дом хотела, не попала во снохи. На наш взгляд, можно предположить, что мир, изображаемый в данном тексте, делится на Космос и Хаос. Космосом является дом субъекта, символом чистоты которого является как раз орнитоним. Пение оберегает девушку, поэтому она не попадает в мир Хаоса. Любопытно, что в тексте употребляется именно определение «сноха», а не «невеста» или «жена». Возможно, это обусловлено тем, что сватовство отменилось из-за несогласия родителей жениха с его выбором, поэтому исполнитель неосознанно включает в текст наименование именно этой родственной связи.

3.3 Методическое применение результатов исследования

Изучение природы, окружающей ребенка, природных явлений и животного мира является одним из основных составляющих его эстетического воспитания. С малых лет любой человек различает основные природные явления, а познание животного мира начинается уже в дошкольном возрасте, когда происходит активное изучение внешнего вида животных и птиц, их акустических характеристик. Птицы – неотъемлемая часть природы, которая всегда окружает ребенка, независимо от места жительства (город /сельская местность), региона, страны. Поэтому на любом этапе обучения, в детских садах и школах, этим животным, как правило, уделяется внимание.

Одной из основных функций школьного образования, помимо учебной, является воспитательная, охватывающая собой как психологическое, нравственное воспитание, так и эстетическое, поддержанию которых способствует проведение внеклассных мероприятий.

Часто в школах проводится праздник – День птиц, датированный 1 апреля, проходящий в рамках программы ЮНЕСКО. И если в среде младших школьников можно провести, например, конкурс рисунков, поделок и т.д., то для ребят постарше (а именно – для учащихся 5-9 классов), целесообразнее

будет провести классный час, посвященный, например, этимологии названий птиц. Школьникам, с нашей точки зрения, также может стать интересным провести собственное «расследование»: разделить учащихся на группы, предложив каждому какой-либо орнитоним для анализа, а итогом работы станет доклад, с которым ученики выступят на вышеуказанном мероприятии.

Знакомство с символикой птиц может дать возможность школьникам ближе познакомиться с культурой народов Пермского края. Так, жители Язьвы (Красновишерский район) до сих пор празднуют день прилета трясогузки – праздник «Сарчик». Она считается у народа коми священной. По народной этимологии, *сарчик* из *царчик* маленький царь, хотя это слово скорее всего заимствовано из татарского названия скворца *сыерчык*. Понимание трясогузки как дарительницы блага, «царь-птицы» мотивировано, несомненно, тем, что именно с ней как возвращающейся весной раньше других птиц связывается начало ледохода (*Трясогузка прилетела – через 12 дней лед тронется*). Отмечено общее соотнесение с этой птицей, распорядительницей тепла, удачи: *Если на вашем доме живет птица трясогузка, это принесет удачу*. Ф. А. Теплоуховым был описан праздник встречи трясогузок, существовавший у коми-пермяков в конце прошлого века, показывающий, что под трясогузками подразумевались предки, в облике птиц прилетавшие на родину. Жители нескольких деревень в день прилета трясогузок встречались с угощениями на поляне у трех елей (одна из которых так и называлась *сырчик коз*, т.е. «ель трясогузки»). Считалось, что если на праздник пришло большое количество людей и много было угощений, предки остались довольны и обеспечат хороший урожай (Теплоухов, 1982; с. 140). Также полученный материал может стать основой для раздела элективного курса, посвященного анализу диалектной речи Урала и Пермского края. Включив в него несколько разделов (н-р, «Быт», «Пища»), одним из них может стать «Птицы», где будут рассматриваться особенности номинации птиц и диалектные наименований понятий, связанных с их жизнедеятельностью.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

Таким образом, можно сделать вывод о том, что орнитонимы являются сегментом фольклорной картины мира, т.к. в них проявляется национальная специфика понимания мира, представление народа о действительности.

Наименования птиц – значимый элемент фольклорных текстов, вносящий в них некоторый набор символических смыслов. Наборы названий птиц, характерный для текстов обрядового и необрядового фольклора несколько схожи, различаются только в количественном соотношении (*сокол* – 10 текстов обрядового фольклора / 5 текстов необрядового; *голубь* – 2 текста обрядового / 10 текстов необрядового и т.д.). Часть орнитонимов, включенных в необрядовые тексты, в обрядовых не встретились нам совсем, н-р, *петух*, *курица*, *кукушка*, *воробей*, *филин* и т.д. Связано это, на наш взгляд, с тем, что большинство этих птиц «нечистые», связанные в мифологии славян с темными силами.

В текстах обрядового фольклора семантика орнитонимов, как правило, обобщена и сведена к реализации какого-либо одного смысла, в то время как в лирических песнях, а особо в частушках, один орнитоним может реализовывать несколько, например, *гусь* – символ мужского начала, горя, разлуки; *петух* также является образом мужественности, возрождения, защиты от зла и т.д. Любопытно, что в фольклорных текстах нам практически не встретились диалектные наименования птиц. Исключение составляет лишь гипероним *касаточка* – он является составляющей трех текстов. Также этот орнитоним встретился в одной тексте в значении *ласточка*. Объясняется это тем, что целью создания и исполнения песен является передача не диалектных особенностей региона, а ментальных состояний субъекта, что частотно реализуется с помощью использования в текстах общеизвестных символов, а орнитоним *касаточка* в текстах русского фольклора употребляется как обращение в значении «милая», «дорогая» и т.п.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью исследования являлось изучение основных диалектных способов номинации птиц, вычленение наиболее частотных орнитонимов в фольклорных текстах и рассмотрение средств актуализации их символических смыслов, и она оказалась достигнута.

Были проанализированы словари говоров Урала и Пермского края. Методом сплошной выборки из словарей отобраны около 500 наименований птиц и понятий, связанных с их жизнедеятельностью, которые образовали тематическую группу. Нам удалось отследить основные особенности диалектных наименований птиц, выявить пять основных мотивировочных признаков, ставших основой для номинации. Подобным образом были проанализированы названия детенышей, понятия, обозначающие действия, звуки, присущие птицам и т.д. Также был осуществлен этимологический анализ наиболее любопытных орнитонимов, н-р таких как, *жулан*, *баранчик*, *капалуха*, *карга*, *вещица* и пр.

Далее предметом анализа стали тексты лирического фольклора Урала и Пермского края. Путем метода сплошной выборки был отобран 101 текст. Источников материала послужили неизданные материалы из архива Центра этнолингвистики народов Прикамья, и сборник «Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Материалы и исследования» под ред. И.А. Подюкова. Был произведен количественный анализ орнитонимов, включенных в состав текстов обрядового и необрядового лирического фольклора, а также рассмотрены основные символические смыслы, реализованные названиями птиц и основные средства их актуализации.

В фольклорных текстах нам практически не встретились диалектные наименования птиц. Исключение составляет лишь гипероним *касаточка* и этот же орнитоним, но имеющий значение «ласточка» – он является составляющей трех текстов (в значении *ласточка* – одного). Объясняется это тем, что целью создания и исполнения песен является не передача

диалектных особенностей региона, а передача ментальных состояний субъекта, его эмоций, что, как правило, реализуется с помощью использования в текстах общеизвестных символов. Диалектные наименования птиц и общерусские, входящие в состав фольклорных текстов – составляющие двух разных картин мира, имеющие различные функции и сосуществующие в сознании этноса параллельно.

Стоит отметить, что группа орнитонимов, характерная для фольклора Прикамья несколько отличается от названий птиц, являющихся компонентом текстов мирового фольклора. На это, безусловно, оказали влияние особенности данного региона: языковые особенности и, главным образом, ареалы обитания птиц и мировосприятие народов Пермского края.

Птицы оказали большое влияние на мифопоэтические особенности данного региона. О них слагаются сказки, легенды и мифы. Всевозможные обряды (свадебные, похоронные, пасхальные, рождественские и пр.) и приметы также связаны с жизнедеятельностью птиц, причем и диких, и домашних практически в равном соотношении. Например, по сей день молодожены после регистрации новой семьи выпускают в небо двух голубков.

Безусловно, огромную роль в фольклорных текстах имеет метафора. Сокол, в большинстве изученных нами текстов, является символом жениха или брата невесты, лебедь – невесты, пава – молодая девушка. А вот, например, такие орнитонимы как соловей, утица подверглись метафоризации в единичных текстах, но являются, в свою очередь, символами любви, верности и т.д.

Широко распространены представления о птицах как о первопредках, половых тотемах и тотемах племени. Следует отметить, что в качестве тотема может выступать как «хорошая» птица, например, лебедь, аист, орел, так и «плохая», которая, по мнению некоторых народов, пророчит беду и несет в себе угрозу – филин, сова, ворон.

Данная работа позволила нам более углубленно изучить орнитониимику, связь названий птиц с особенностями их внешнего строения, поведения, повадками, а также рассмотреть особенности фольклорных текстов исследуемых регионов и наименования птиц как существенный элемент образной картины мира диалектоносителей. Результат развивает и уточняет сложившиеся ранее научные представления об исследуемом предмете.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Научная литература:

1. *Адилова, А.Д.* Принципы мотивологического исследования и его аспекты (на материале наименований птиц): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1996. – 23 с.
2. *Амелина, Л.В.* Многозначность и омонимия в системе орнитонимов русского и немецкого языков / Л.В. Амелина [Электронный ресурс]. - <http://cyberleninka.ru/article/n/mnogoznachnost-i-omonimiya-v-sisteme-ornitonimov-russkogo-i-nemetskogo-yazykov> (Дата обращения: 07.04.2017)
3. *Амелина, Л.В.* Семантические процессы, принципы лексикографического толкования, лингвокультурологическая интерпретация орнитонимов (на материале русского и немецкого языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. / Л.В. Амелина. – Орел, 2012. – 21 с.
4. *Бахматов, А.А, Голева, Т.Г, Подюков, И.А, Черных А.В.* Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Материалы и исследования / И.А. Подюков. – Пермь, 2008. – 501 с.
5. *Берегова, О.* Символы славян / О. Берегова. – СПб, изд-во «Диля», 2008 – 432 с.
6. *Бобунова, М.А.* Наименования звуков птиц в песенном фольклоре Русского Севера / М.А. Бобунова [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabininskie-chteniya-2015/1624.html> (Дата обращения: 10.04.2017)
7. *Булаховский, Л.А.* Общеславянские названия птиц / Л.А. Булаховский // Изв. АН СССР, ОЛЯ. – 1948, вып. 2
8. *Вознесенская, М.М.* «Птичий двор» в русской фразеологии / М.М. Вознесенская // Русская речь. – 2012. - № 5. – с. 116-122.

9. *Гинатуллин М.М.* К исследованию мотивации лексических единиц: дисс. ... канд.филол. наук. / М.М. Гинатуллин. Алма-ата, 1972 – 230 с.
10. *Гладких, Ю.Г.* Этнопоэтика художественного и фольклорного текста: учебное пособие / Ю.Г. Гладких, Е.М. Гордеева, И.А. Подюков; ПГГПУ. – Пермь, 2013. – 91 с.
11. *Голев, Н.Д.* Ономасиологический аспект междиалектных различий в лексике природы (на примере наименований птиц) / Н.Д. Голев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z63.html> (Дата обращения: 08.04. 2017)
12. *Голев, Н.Д.* Функции мотивизации и народная этимология / Н.Д. Голев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z59.html> (Дата обращения: 02.04.2017)
13. *Голев, Н.Д.* «Естественная» номинатция объектов природы собственными и нарицательными именами / Н.Д. Голев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z64.html> (Дата обращения: 15.04.2017)
14. *Грот, Я.К.* Филологические разыскания / Я.К. Грот. – СПб, 1899. – 943 с.
15. *Губина Д.И.* Орнитоним как объект лингвистического исследования / Д.И. Губина, Е.Н. Пронченко // Пятигорский государственный университет. – Пятигорск, 2016. – с. 19-25.
16. *Гура, А.В.* Символика животных в славянской народной традиции / А.В. Гура. – Москва: издательство «Индрик», 1997. – 910 с.
17. *Гусев, Л.Ю.* Орнитонимы в фольклорном тексте / Л.Ю. Гусев. – Курск, 1996. – 20 с.
18. *Добродомов И. Г.* Дрофа — дудак. Этимологические заметки. — Рус.речь, 1968. - № 4. - с. 100-104.
19. *Иванов, В.В., Топоров В.Н.* Славянская мифология / В.В. Иванов, В.Н. Топоров // Мифы народов мира. – М., 1980. – Т. 2. – с. 450-456.

20. *Костина, Н.Ю.* Названия птиц как специфическая группа слов (на материале русского и английского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Н.Ю. Костина. – Орел, 2004. – 31 с.
21. *Круглов, Ю.Г.* Русские обрядовые песни / Ю.Г. Круглов. – М., изд-во «Высшая школа», 1989. – 319 с.
22. *Курашкина, Н.А.* Проблема лексикографического описания орнитонимов (на примере названий воробьеобразных птиц) / Н.А. Курашкина // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. - 2015. - Т. 11. № 1. - С. 797-818.
23. *Курашкина, Н.А.* Словарь орнитонимов как форма трансляции экологических знаний / Н.А. Курашкина // Концепт. – 2014. - № 7 (июль). – с. 76-80.
24. *Курашкина, Н.А.* Явления дестимологизации и ремотивации в орнитонимике / Н.А. Курашкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Грамота. – 2014. - № 11 (41): в 2-х ч. Ч. II. – с. 100-105.
25. *Кутьева, Н.В.* Национально-культурная специфика переносных значений орнитонимов в русском и испанском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. / Н.В. Кутьева. – М., 2009. – 23 с.
26. *Лазутин, С.Г.* Поэтика русского фольклора: учеб. пособие для филол. фак. ун-тов / С.Г. Лазутин. – М., изд-во «Высшая школа», 1981. – 221 с.
27. *Лебедев, И.Г.* Значение и этимология некоторых русских названий хищных птиц и сов фауны России / И.Г. Лебедев, В.М. Константинов. – Ставрополь: СГУ, 1999. – Часть 2. – с. 80-96.
28. *Лысова, Е.В.* Орнитонимия русского севера: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. / Е.В. Лысова. – Екатеринбург, 2002. – 19 с.
29. *Маклакова, Е.М.* Символизм во фразеологических единицах с компонентом- орнитонимом «ласточка» и «воробей» во французской, английском и русском языках / Е.М. Маклакова // Филологические

- науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: изд-во «Грамота», 2011. - № 1 (8). – с. 109-112.
30. *Малафеева, Е.Р.* Семантическая структура фразеологизмов с компонентом-зоонимом в современном русском литературном языке: дисс. канд. филол. наук / Е.Р. Малафеева. Челябинск, 1989. – 231 с.
31. *Моисеева Л. Ф.* Названия птиц в русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. / Л. Ф. Моисеева. — Киев, 1974. — 24 с.
32. *Неронова, Н.Б.* Наименования птиц в русском языке: семантико-грамматический аспект: дисс. ... канд. филол. наук. / Н.Б. Неронова. – М., 2000. – 255 с.
33. *Подюков, И.А.* Не шумы, а стихи природы... / И.А. Подюков // Вестник ПГПУ. – 2006. - №1. – С. 122-125.
34. *Рыблова, М.А.* «Взвейтесь, соколы, орлами»: орнитоморфная символика в восточнославянской воинской традиции / М.А. Рыблова // Этнографическое обозрение. – 2007. – №2. – с. 86-106.
35. *Савенко, А.С.* Мотивационно-сопоставительный анализ орнитонимов в русском, английском и французском языках / А.С. Савенко // Вестник ТГПУ. – вып. 6 (96). – 2010. – с- 11-15.
36. *Сетаров, Д.С.* Именованье животных: принципы и типы мотивации в славянских и тюркских языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Д.С. Сетаров. – М., 1992. – 48 с.
37. *Симакова, О.Б.* Лексико-семантическая группа «Орнитонимы» (на материале русского и французского языков): дисс. ... канд. филол. наук. / О. Б. Симакова. – Орел, 2004. – 293 с.
38. *Сумцов, Н.Ф.* Ворон в народной словесности / Н.Ф. Сумцов. – М., 1890. – 26 с.
39. *Теплоухов, Ф.А.* Народное празднество «Три Ёлочки» в Богородской волости Пермского уезда // Пермский край: Сб. сведений о Пермской губ., издаваемый Пермским губ. стат. комитетом. Пермь, 1892. - Т. 1. - с. 138–148.

40. *Тульцева, Л.А.* Символика воробья в обрядах и обрядовом фольклоре / Л.А. Тульцева // *Обряды и обрядовый фольклор.* – М., 1982. – с. 163-178.
41. *Поэтика русского фольклора* / под ред. А.А. Горелова – Ленинград, «Наука», 1981. – 228 с.

Справочная литература:

1. *Белавин, А.М., Подюков, И.А., Свалова, Е.Н., Хоробрых, С.В., Черных, А.В.* Охотничий словарь Прикамья / под ред И.А. Подюкова. – Пермь, 2013. – 215 с.
2. *Брокгауз, Ф.А., Ефрон, И.А.* Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz> (Дата обращения: 5.05.2017).
3. *Востриков, О.В., Липина В.В.* Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. / О.В. Востриков, В.В. Липина. – Екатеринбург, 2005.–в 5 т.
4. *Даль, В.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal.htm> (Дата обращения: 10.05.2017).
5. *Копалинский, Вл.* Словарь символов / Вл. Копалинский. – Калининград, 2002. – 263 с.
6. *Прокошева, К.Н.* Фразеологический словарь пермских говоров / К.Н. Прокошева. – Пермь, 2002. – 431 с.
7. *Славянские древности: том 4 (П-С)* / под ред. Н.И. Толстого – Москва: Международные отношения, 2009. – 653 с.
8. *Словарь пермских говоров: выпуск I-II* / под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. – Пермь, 1999. – 1527 с.
9. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка в 4 т.– Москва: Прогресс, 1986-1987.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Тематическая группа «Птицы» по уральским диалектным наименованиям

Дикие птицы:

1. Коршун (*балабан, болобан, беляк, беляк, каршун, коршак, коршуньё, цыплятник*)
2. Беркут (*берк*)
3. Ястреб (*балабан, цыплятник*)
4. Ястреб-канюк (*конёк, конюк, пикун, мышеловка*)
5. Ястреб-тетеревятник (*тетерник, зимняк*)
6. Скопа (*скоба*)
7. Утка (*крякуха, крякуша, полевая утка, польская утка, селезнюха, ута, утиха, касатая, крикунок, синьга*)
 - Селезень (*селя, утяк, кряк, крякаш*)
 - Чернеть – вид утки (*санта, тунта, тянга, чернять, шернедь, шернедушка, северянка; самка – чернелуха, чернедюха; чернядь хохлатая – белки, белобокая чернядь, белобрюшка, белый луточек, городковая утка, нырковка, нырок, чернядь косатая, буроголовик*)
 - Соксун – вид утки (*болтонос, лопоноска, сакса, саксун, сектун, сокзок, соксан; самка – саксушка, соктуниха*)
 - Гоголь (*почтальон; самка – гоголиха*)
 - Кряква (*косатая, косатка, косатуха, крикуша, крякова, крякуха, крякуша, крякушка, крикуша*)
 - Утка-луток (*капка, клах, колохарь, лоток, лукоян, лутаиш, лутовка, луток; самка – лутуха*)
 - Утка – свиязь (*свизь, свисть, связь, сизь; самка – свизуха, свизюха*)
 - Утка – шилохвост (*шилка, вострохвост, вострохвостик, вострохвостица, вострохвостка; самка – вострохвостица*)

- Утка-чирок (*свистунок, чиркан, чир, чурок*)
- 8. Дикий гусь (*польский гусь, гуменник*)
- Серый гусь (*серяк*)
- 9. Тетерев (*копалуха, косарь, палева курица, палуха, польнюшка, полюшка, тетерва, тетерь, тетеря, ягодник; самка – капалуха, копалуха, пальнушка, пеструха, поленюха, полюха, рябуха, тетерьва, тетеря*)
- Тетерев-косач (*галяк, калям, пальник, поляш, польняк, чухаль, березовик, токарь, черныш*)
- 10. Глухарь (*колям, капылуха, капал, копал, копалуха, копальник, поляш; самец – косач, моховик, мошник, глух, дозмор, петух, блухарь. бухарь; самка – глухариха, копала, копалка, копалуха, косачиха, мхарка, пеструха, пойнюшка, полюха, тетеря, глухарятница*)
- 11. Рябчик (*лесной петушок, рябак, рябок, рябочек; самец – паляш-косач; самка – полюшка, рябуха, рябушка, рябчиха*)
- Лесной рябчик (*боровой рябчик, уральский рябчик*)
- Полевой рябчик (*голоножка, гуменник, колоножка, гумённый рябчик, польской рябчик, степной рябок*)
- 12. Куропатка (*белоножка, капалуха, корупатка, корупатка, крупатка, курпатка, крупанок, крупач, крупашка, куропашка, куропчишки, польнюшка, рябуха; самец – куропан, куропат; самка – куропанка*)
- Серая куропатка (*голоножка, петушок, сартянка, сартяночка*)
- 13. Дятел (*долбенник, столбеник, долбьяк, дягель, дядель, мартышка, деревяч*)
- Большой черный дятел (*бортевицик, жёлна, жёлонка, дятел-пикун*)
- 14. Кукушка (*зозуля, зозулька, кокушка, кукуша; самец – кокуй*)
- 15. Сойка (*баран, кукуша, жвакула, канжа, ронжа*)
- 16. Галка (*галица*)
- 17. Сорока (*векша, вещица, хозяйка*)

18. Ворона (*карга*)
19. Скворец (*скворечки, скворок, скворчик*)
20. Голубь (*голубец, гуля, кропная птица семейства голубиных - вяхирь*)
21. Кулик (*вишивик, зуй, зусь*)
 - Вальдшнеп (*боровой кулик, пискорь, пичкирь, слонка, хортень, валюш, валяш, валюшка, валя, вальш*)
22. Чибис (*пивик*)
23. Кедровка (*кедрушка, паршук, першук, перш*)
24. Зарянка (*малиновка, малинка*)
25. Зяблик (*краснозобик, красулька, лябик*)
26. Пигалица (*пигола, пикалица, пигалка, пиздрик, пикун*)
27. Соловей (*соловец*)
28. Дрозд (*вачган*)
29. Трясогузка (*плисица, плишка, синичка, синочка, трясуница, трясуха*)
30. Ласточка (*двоехвостка, косатка*)
31. Стриж (*касатка, косатка*)
32. Снегирь (*жулан, жуланка, жуланчик, красногрудик, краснозоб, снежурка*)
33. Синица (*двоехвостка, жулан, желван, кузенька, мясянка, мяснушка, синочка, трясогузка*)
 - Большая зеленая синица (*жуланчик, зеленчик, зеленушка, мясничок, пинчик*)
34. Воробей (*воробышко, жолван, желанчик, жулан, жид, чирибай; самка – сычка*)
35. Козодой (*водяной петух, барашек*)
36. Жаворонок (*жабрик, козелок*)
37. Поползень (*ползунок*)
38. Клест (*ронжа, роньжа, хлест*)
39. Бекас (*баран, мелкая птица семейства бекасовых - гаринеп*)

40. Белолобая казарка (*белолобик*)

Домашние птицы:

1. Утка (*Вутка, качка, каченька, кряква, лапчатка, тана, утица, уты (маленькие утки)*)
2. Петух (*Жихарько, зевало, косогран, косотуль, кочет, кукурека, певень, певун, петка, петко, пето, петун*)
3. Курица (*катя, кати, кокушка, кокурка, курка, курушка, клуша, куречошка, курешошка, куриночка, кутька, кутя, типка, цырыпунья, чепушка*)
4. Гусь (*гага, гогль, мала, тега, тига, тигушка; самка – гусина, гусиха; самец – гусак, гусар, гусяк*)
5. Индюк (*галдык, индей, курак, курун, курыш; самка – индея, кура, курышка*)

Части тела птиц:

- клюв (*клёк*)
- ключичная косточка птицы (*елец*)
- конечность птиц (*пакша*)
- плечевые косточки крыльев (*огнёво, огнивца*)
- крыло (*огниво*)
- перепонка на лапе водоплавающей птицы (*перепёрышко*)
- перья (*зорички*)
- стержень пера (*зорька*)
- зародыш пера (*пень*)
- роговые бахромки по краям пальцев лап рябчика (*гребешки*)
- зоб птицы (*жерновцы*)
- распущенный хвост глухаря (*колесо*)
- боковые лирообразные перья в хвосте тетерева-косача (*косицы*)

Звуки, издаваемые птицами:

- кричать (*завеньгать, запогоривать, хазить*)

- кудахтать (*заквохтать, гоготать, квоктать, кекать, квохтеть, керкать, клоктать, клохтать, кохтать, кудачить, кудышать, кутычить, тухтычить*)
- стрекотать (*кокорчить*)
- издавать трескучие звуки (*вачгать*)
- звуки, которые издают глухарки, собравшиеся вокруг тока (*баканье*)
- крик токующего глухаря (*бой*)
- щелкать клювом (*чумкать*)
- чирикать (*начервичивать*)
- издавать чиликающие звуки (*начиликивать*)
- звук перьев при полете птицы (*перьево*)
- шум от крыльев гоголя (*свистеть*)
- издавать звуки (*кикать, цвиргать*)
- петь (*воспевать*)
- кричать (*зукать, кречкать, чувыркать*)
- громко кричать (*крячить*)
- щебетать (*щебенькать*)
- щелкать (*започикивать*)
- крик косача (*куркать, уркать*)
- крик сыча (*керкать*)
- звуки селезня (*шарпать*)
- приглушенный крик глухаря (*крыш-крыш, кышкать*)
- крик филина (*фубать*)
- крик гуся (*варкать*)
- куковать (*коковать, скоковать, кукать*)
- крик перепелки (*фить перо*)
- крик вальдшнепа (*захоркать*)
- крик пигалицы (*пиздрить, пикать, напикивать, запикать, пить просит*)

- крякать (*чиркать, зачиркать, куркать, зашавкать*)
- кукарекать (*гоготать, кукурикать, опевать, сокотать, тордокнуть*)
- пищать (о детенышах) (*сымкать, расцевкаться, цемгать, цимгать, чимкать, чиркать*)
- звуки токующего глухаря (*чувывать, чувыркать, чухвыскать*)

Действия, совершаемые птицами:

- высиживать яйца (*запариться, парить, выпаривать, напарить, опариваться, сводить*)
- перестать высиживать (*трёкнуться*)
- проклюнуться (о птенце) (*пропукнуть*)
- класть яйца (*класться, носиться*)
- спариваться (*париться*)
- вывести птенцов (*попариться*)
- распустить хвост (*распелить*)
- суетиться (*торохищаться*)
- менять перья, линять (*перепериваться*)
- кормить птенцов (*жорить*)
- клевать (*зобать, жульбить*)
- выклевать (*выналучивать, выжелудить, висбирывать, выщелкать*)
- вить гнезда (*гнездить*)
- токовать (*токать, играть, игратьсь, тюкать*)
- взлететь (*вспурхнуть, порскнуть*)
- лететь над головой (*надлететь*)
- плавать (*болтаться*)
- махать крыльями (*бузгать, пурхать, пурхаться*)
- купаться в пыли, чистить перья (*порхать, порхаться, пурхаться, щекотать, попурхаться, топорхаться*)

Названия птенцов / выводка птенцов:

- выводок птенцов (*вывод, писклята, синкули, выпар, цыпушки, нарост*)
- птенец (*пырик*)
- птенец, выпавший из гнезда (*вывалок, выкидыш, выпадок*)
- неоперившиеся птенцы (*голышата*)
- птенец, поднявшийся на крыло (*летняк, подлетиш, слетиш, вылеток*)
- птенец, выведенный позже положенного срока (*поздыш*)
- птенец птиц семейства тетеревиных (*тетерёнок*)

Общие названия птиц:

- *жёнка*
- *касаточка*
- *пёрышко*
- *потка*
- птица-мать с выводком (*матерка*)

Приспособления для охоты / содержания птиц:

- силок, петля для птиц (*жилка, клопечки, кулешки, сильишки, сильчики, силья, сима, симка,кляпцы,плетница*)
- корзина для высиживания гусят (*гусельник, гусятник, гусятница, пестерь, пестерюха*)
- курятник (*балагашка, залавок, землянка, котух, курушник, кутух, кутятник, цыпушник*)
- голубятня (*голубница*)
- скворечник (*дупель, дублянка, дуплё, дуплышка, скворка, скворочка, улейка, чурка*)
- птицеферма (*куреферма*)
- помещение для содержания домашней птицы (*поклев*)
- деревянная ловушка для птиц (*слабец*)

- приспособление для охоты на глухарей из переплетенных ветками колев (*еловец*)
- ловушка для рябчика (*жердка, жердочка*)
- петля для ловли рябчика типа жердки (*пленичка*)
- сеть-ловушка для птиц (*покрывало*)
- конструкция-приманка на птицу в виде представляющего ее плоского силуэта в той или иной позе (*профиль*)
- ловушка на тетерева (*садок*)
- ловушка для косача (*сак*)

Разное:

- место обитания птиц (*порхалище, порхолице, пурхалище*);
- охотник на вальдшнепов (*вальдшнепятник*);
- мелкие камушки, необходимые тетереву, глухарю и рябчику для перетирания грубых кормов (*галечник*);
- мясо глухаря (*глухарина*);
- собака, используемая при охоте на глухаря (*глухарятница*);
- охотиться на гусей (*гусьничать*)
- выделяющееся белое пятно на оперении птицы (*зеркало*)
- брачная песня глухаря на току (*игра*)
- чучело птицы для приманивания уток, тетеревов (*маниха*)
- помесь тетерева с самкой глухаря (*межняк, межник*)
- глухарь, не участвующий в токовании (*молчун*)
- манок на рябчика (*писка*)
- охотник на птицу (*птичник*)
- охотиться на рябчиков (*рябошничать*)
- центр глухариного тока (*сковородка*)
- тетерев, который во время тока следит за опасностью (*сторожевик*)
- охотиться на уток (*утничать*)
- легкое ружье для охоты на уток, гусей (*уточница*)

- собака, с которой охотятся на уток (*уточница / утошница / утятница*)
- охотник на уток (*утятник*)

Тексты обрядового фольклора

Ой, сокол взрос (свадебная поэзия)

Ой, сокол взрос да во Муромском городе,

Ой, соколинка выросла да в московском городе.

Ох, да оне за одним столом сидят,

Да одной ложкой едят, да одной вилкой едят,

Да вино одно вместе пьют, одну думу думают:

- «Ой, как же будем, как семейку наживать?»

Ой, кыску заведем, заведем мы кысочку,

Ой, наживем собачку да пустолаечку,

Зведем корову да сухолобую,

Ой, наживем овечку все берегунечку,

Ой, наживем мы свинку да вислоухую,

Ой, легем спать вдвоем, дак ишшо встанем втроем,

Ой, на поле пойдём да впятере да вшестере,

Ой, да с поля пойдём да всемере да восьмере».

(Зап. От Комаровой Т.С., д. Ананькина Юрл.)

На горе стоит ёлочка (свадебная поэзия)

На горе стоит елочка, под горой стоит светелочка.

Во светелушке девоньюшка сидит, все девоньюшка Маланьюшка,

Лебедь белая Игнатъевна.

Она белится-румянится, хорошо ли снаряжается.

Хорошо ли право лучше всех, право лучше, право вежливее.

Кличет, кличет ее батюшка домой, я нейду домой, не слушаю его.

Ночи темные, не месячны, леса частые, проходу нет.
Реки быстры, перевозу нет.
Во второй раз кличет матушка, я нейду домой, не слушаю ее.
Третий раз кличет Саввушка, я пойду домой, послушаю его.
Ночи светлые и месячны, леса редкие, проходу есть,
Реки тихи, перевозки есть.

(Зап. от Бахматовой А.А., д. Миронова Юрл.)

У пташечки, у касаточки (свадебная поэзия)

У пташечки, у касаточки на лету крылья трепыхаются,
Как у душечки, у красной девицы
Не ума не было, не во разума. Во замуж идти,
Да во чужие люди, во крепкие руки.
Завел родню родимой папенька, завела родню родима маменька.
На торги пойдут дочери.
(пойжут с торга) зайдут с торгов, идут не платье несут –
Носи платье да не складывай, терпи горе, да не сказывай.
Ох, папенька родименький, ох, маменька родимая
Поселите вы на сине море да серых гусей.
Каково гусям протии дна супротив воды, каково мне
Жить во чужих людях, да во крепких руках.
Ох, вы девки – девушки голубинные семена
Много вас было сеяно, было сеяно три поля.
А уродилось два поля
Меж теми двумя полями протекала речка
Быстрая, по той речке быстрой бежали три коравлечка.
(Зап. от Мульковой В.А., Пермская обл, Кунгурский р-н, С. Перм-Серга)

Уж ты вдовка ли, вдовка моя (свадебная поэзия)

Уж ты вдовка ли, вдовка моя, уж ты, вдовьюшка, прибраниваешь меня,

Позаочь, вдовья, голыдьбой назвала.
Ты, голыдьба, голыдьба моя, у голыдьбы ни скота, ни живота,
У голыдьбы есть ограда широка.
У ограды столбы точеные, вервеюшки подзолоченные.
Ворота были хрустального стекла, подворотенка чистого серебра.
Посреди двора бел камешек лежит, из-под камешка быстра реченька бежит.
Вот бежит, бежит, пожурчивает, по той речушке гоголюшко плывет,
Выше бережка головушку несет, выше леса крылья взмахивает.
Выше леса крылья взмахивает, калену стрелу направливает.
Ты лети, лети, каленая стрела, ты пади, пали, каленая стрела,
Все не на воду, не на землю, серой утице под правое крыло.
Сера утица – есва моя, красна девица – невеста моя.
Будто Аннушка не пряля была, будто Аннушка не ткаля была,
Будто Аннушка не ткет, не прядет, будто Аннушка узоры не берет.
Заводилися у Аннушки кросна, ино тем кроснам девятая весна.
По-за ниченкам суметы нанесло, по-за бережку закуржавело.
По-за стану трава выросла.
Уж я эту траву выкошу косой, по ленивочке копешки свожу.
По ленивочке копешки свожу, на полатчиках зарод намечу.
(Зап. от Бахматовой А.А., д. Миронова Юрл.)

Две вдовушки (похоронно-поминальная поэзия)

А и жили же две вдовушки, да одну-то они думу думали,
Да один-то совет советовали – ну как же мы будем жить-поживать,
А мы как же будем детей питать,
Мы пойдем же с тобой к Господу Богу на прощеньице, на благословеньице,
Не завелит ли нам Господь замуж идти, замуж идти во вторые венцы.
Вот пошли они дорожками мелкими, дошли они до речушки быстрые.
Тут нету переходчика, нету перевозчика,
Они сели же на крут бережок, на зелененький лужок.

Вдоль с-по речушки плывет кораблик, против вдовушек останавливается,
Во кораблике сидит да Иисус Христос:

«Уж вы вдовьюшки две, вдовы, да куда вы пошли, куда потекли»?

- «Да мы пошли же, пошли на прощение, на прощение, на благословение,
Не завелит ли нам Господь замуж идти да другие венцы одеть».

- «Ох вы, вдовьюшки, вдовы, благоверные души,

Как первые венцы – светлы светлицы, а другие венцы замедены,

А третьи венцы темней темной темницы.

А первые дети – птички-пташечки, а другие дети – словно голубчики,

А третьи дети – черны вороны.

Ох вы, вдовьюшки, вдовы, вы бежите домой да к малым детонькам,

А возьмите их на белы рученьки, посадите их на коленочки

Да прижмите их к ретивому сердцу, к ретивому сердцу, да ко белому лицу.

Будут они сытые, будут одетые, будут поённые, будут кормленные»,

Аллилуйя, Серафим, Серафим, слава тебе Господи, Бог наш.

(Юрла)

Ой ты солнышко (похоронно-поминальная поэзия)

Ой ты солнышко, о, да моя сношенька,

Нарядилась ты, да куды же у нас сподобилась,

Улететь хочешь белым лебедем,

Улететь хочешь сизым голубем

На ту-то сторону незнакомую.

На той-то сторонужке нету ни ходу, ни выступу,

Не пошлешь ты нам ни вестку, ни грамотку.

Не взойдет же к тебе да красно солнышко,

Не взвосияют тебе да часты звездоньки,

Не посветит тебе да благ месяц...

(Зап. от Андреевой М.П., д. Пестерёва Юрл.)

Тексты необрядового фольклора

Как бы с-по морю

Как бы с-по морю, как бы с-по морю, как бы с-по морю, морю синему,

Плывет лебедь, плывет лебедь, плывет лебедь с лебедятама,

Со малыма, со малыма, со малыма со дитятыма.

Плывши лебедь, плывши лебедь, плывши лебедь окунулася.

Под ней вода, под ней вода, под ней вода всколыхнулася.

По бережку, по бережку, по бережку добрый молодец идет,

Ушиб, убил лебедь, ушиб, убил лебедь, ушиб, убил лебедь белую.

Он де кровь, он де кровь точил, он де кровь точил во сине во море,

Он де пух пушил, он де пух пушил, он де пух пушил да под небесам.

Он де перышки, он де перышки, он де перышки по крутым бережкам.

С нее перо, с нее перо, с нее перо разлетелося.

С-по бережку, с-по бережку, с-по бережку красна девица идет.

Сбират перо, сбират перо, сбират перо лебединое.

С-по бережку доброй молодец идет, с-по бережку доброй молодец идет:

«Божья помощь, божья помощь, божья помощь, красна девица душа

Зачем перо, зачем перо, зачем перо лебединое?»

- «Нам с маменькой, нам с маменькой, нам с маменькой на здоровьичо,

Нам с маменькой на здоровьичо,

С милым дружком, с милым дружком, с милым дружком на зголовьичо,

С милым дружком на зголовичо.

С малым детонькам, с малым детонькам, с малым детонькам на перину
пухову,

С малым деткам на перину пухову».

- Зачем перо, зачем перо, зачем перо лебединое, зачем перо лебединое?»

На то девица, на то девица, на то девица ответа не дала.

«Спесивая, спесивая, спесивая, непреклончивая

Обожди, девка, обожди, девка, обожди, девка, покаешься.

Пошлю сватов, пошлю сватов, пошлю сватов, засватаю за себя.
Стоять будешь, стоять будешь, стоять будешь у кровати тесовой,
Держать будешь одеяло надо мной».
- «Я ведь думала, я ведь думала, я ведь думала, не ты, милой, идешь,
Я ведь думала, Никола городской».
(Зап. от Подкиной М.Ф., д. Васькова Юрл.)

Собиралися голубки

Собиралися голубки на синее море, умывалися голубки из моря водою.
Умывалися голубки из моря водою, утиралися голубки травой-муравою.
Размолоденький мальчишко трех девчонок любит,
Любит Сашу во Казани, Машу во Сибири.
Манюшеньку-раздушеньку в Нижнем Городочке,
Уж я этим трем девицам куплю по подарку.
Куплю Саше алу ленту, Маше голубую,
Манюшеньке-раздушеньке золото колечко.
Ты носи, Маня, колечко, носи да не хвастай,
Если будешь похваляться, полно со мной знаться.
(Зап. от Бахматовой М.Д., с. Юрла)

По деревне тихой днем бродили гуси

По деревне тихой днем бродили гуси,
Солнце разливалось, затопив сады,
Где росли в деревне Ваня да Маруся,
А еще Иван-да-Марья – желтые цветы.
И над тихой Русью день проходит с грустью,
И над небом виснут черные кресты,
Провожала Ваню девушка Маруся,
А еще Иван-да-Марья – желтые цветы.
Злая вражья пуля выследила Ваню,

Помутнилось небо, падая в кусты,
Обагрился кровью белый одуванчик,
А еще Иван-да-Марья – желтые цветы.
Раннею весною возвратились гуси.
«Неужели, Ваня, не вернулся ты?»
Где упали слезы девушки Маруси,
Там цветут Иван-да-Марья – желтые цветы.
(Юрла)

Голубь-голубочек, сизый воркуночек
Голубь-голубочек, сизой воркуночек.
Чо ты, голубь, в гости не летаешь?
Али моего домечку не знаешь,
Али мой ты, голубь, голос не слыхаешь,
Али мой голос ветерок относит,
Да голубя частым дождиком мочит?
Осённый крылья сквозь везь проливает.
В поле пташечка-касатушка к земле припадает,
Да от милого весточку сказает:
Да мой-от милый в засадушке сидит.

Кукушка
Не кукуй-ко, ты, моя кукушка,
Не горюй-ко, ты, моя рябая.
Не горюй-ко ты моя рябая, да
Во сыром-то ой да на лесочке
Во сыром-то ой да во борочке,
Да на сухом-то ой да на пенечке.
На сухом-то ой да на пенечке да
Не давай солдатикам скуки

Не давай солдатикам скуки да
Без того солдатикам скучно.
Без того солдатикам скучно,
Без того бедняжечкам бедно.
Без того бедняжечкам бедно да
Зимой частые ли да походы,
Зимой частые ли да походы да
Во крещенские ли да морозы.
Во крещенские ли да морозы да
Во сапожках ой да ножки зябнут.
Во сапожках ой да ножки зябнут да
От ружейца ой да ручки щиплет,
От ружейца ой да ручки щиплет.
Не горюй-ко ты моя мамаша,
Не горюй-ко ты моя мамаша да
Скоро я домой воротюся да
Скоро я домой воротюся да
Через двадцать пять да годочков.
Через двадцать пять да годочков да
Прилетю я ясным соколом.

(Зап. от Петухов Е. И., с. Острожка, Оханский р-н)

Скрылось солнце за горою

Скрылось солнце за горою, утихли песни соловья.
С прелестной девой чернобровой прощался парень навсегда.
Прощай, карелка дорогая, служба кончилась моя.
Теперь я еду в край далекий, где ждет родимая семья.
Я признаюсь, ждет невеста, котора мною влюблена.
Карелка в обморок упала и от измены умерла.

(Зап. от Бахматовой А.А., д. Миронова Юрл.)

Во саду, во долине
Во саду, во долине
Громко пел соловей
А мальчик на чужбине
Позабывших людей.
Позабыт, позаброшен,
С молодых юных лет
Я остался сиротою,
Счастья, доли мне нет.
Я остался сиротою,
Счастья, доли мне нет.
Вот умру, я умру,
Похоронят меня.
И родные не узнают
Где могилка моя.
На мою на могилку
Здесь никто не придет.
Только раннею весною
Соловей пропоет.
Только раннею весною
Соловей пропоет.
Пропоет он, просвищет,
И опять улетит.
А моя-то здесь могилка
Одиноко лежит.
А моя-то здесь могилка
Одиноко лежит.

(Зап. от Белоусовой А. Я., Пермская обл., Кунгурский р-н, с. Комарово)

Частушки

Я качалась не боялась, дома пели петухи.
Я в который дом хотела, не попала во снохи.

Ох, запели петухи, закричали куры.
Не пора ли нам домой, юрлинские дуры.

Во траве гуляли куры,
А за ними шел петух.
Все доярки наши – дуры,
Между ними ты – пастух.

Пойте, пойте, петушки,
Подпевайте курочки,
Увезут от нас подружку
Из веселой улочки.

У меня на сарафане
Косолапы петухи.
Я сама не косолапа –
Косолапы женихи.

С неба звездочка упала
Прямо на нос петуху.
Петуху неловко стало
Закричал: «Ку-ка-ре-ку».

Я платочек вышивала петухами, утками,
Я миленка забавляла не слезами, - шутками.

Петя, Петя, петушок, зачем не кукарекаешь?
Петя, миленький дружок, зачем не попроведаешь?

Вышивала полотенце
Петухами, утками.
Дожидаю я милого
Часами, минутками.

Нонешны куры
Поют петухами,
Нонешны жены
Правят мужиками.

Ой, куда я залетела, канарейка, в темный лес.
Не сама я залетела, залетел мой интерес.

Меня милый не целует,
Говорит губастая.
Как же я его целую
Филина глазастого.

У миленочка ограда из двенадцати жердей.
У миленочка скотина – таракан да воробей.

Через горочку крутую
Голубки слетались.
Через славушку чужую
С милым мы расстатися.